

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицкого, А. Болотникова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Седывановского, М. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, М. Чарного, Е. Успеня.

ЦЕНА 20 коп.

29
ДЕКАБРЬ
1933
60 (315)

ГОД ОСВОЕНИЯ И НОВЫХ УСПЕХОВ

Через три дня пресса всего мира будет подводить итоги истекшему 33 году.

Надо полагать, что лишь замедленная, обезличенная печать стран открытой фашистской диктатуры «делая хорошую мину при плохой игре», постарается найти «светлые лучи» в темном фашистском царстве. Во всех остальных странах господства пока еще прикрито фиговым листком буржуазной «демократии», но только оппозиционная, но и правительственная печать вынуждена будет констатировать продолжающийся в истекшем году рост безработицы в городах, дальнейшее разорение и обнищание среди широких масс мелкой буржуазии города и деревни.

Не менее печально должны будут звучать и итоги в области международных отношений: бешеный рост вооружений на суше и на море — на фоне полной безразличности всех и всяческих дипломатических ухищрений, на фоне полного провала всяких проектов сговора между великими странами мира.

Наиболее радикальная часть печати вынуждена будет признать и дальнейший рост культурного отставания, и не только на низших ступенях социальной лестницы; факты падения культуры, несомненно, имеются и на высших ее ступенях.

В капиталистическом мире уже давно началось постепенное иссякание тех источников, из которых черпает свои силы научное и художественное творчество. Буржуазная наука, буржуазное искусство уже не в силах создать что-либо новое, что-либо большее. В лучшем случае она может лишь с большими усилиями удержаться на уровне уже достигнутого. В худшем же случае — и самым ярким образом в этом отношении является фашистская Германия — мы имеем резко выраженную тенденцию к регрессу в области научного и художественного творчества.

Совершенно противоположную картину мы имеем в Советском союзе — в стране победившего пролетариата. В роли господствующего

класса пролетариат, опираясь на широкие массы коллективизированного крестьянства, и в истекшем 33 году продолжал свое победоносное шествие на экономическом и культурном фронтах нашего социалистического строительства.

Но в истекшем году мы имеем не только ряд новых гигантских предприятий, но также ряд блестящих побед советской авиации и не только окончание таких грандиозных сооружений, как Беломорско-Балтийский канал. Грандиозные успехи наших успехов на экономическом фронте в истекшем году выражаются, главным образом, во все более и более глубоком освоении обширных территорий в области социалистического строительства, которые явились результатом успешного завершения первой пятилетки в четыре года и выполнения плана первого года второй пятилетки.

На основе невиданных в мировой истории экономических побед в истекшем году безостановочно продолжался интенсивный рост социалистической культуры вширь и вглубь.

В итоге огромный приток новых культурных кадров из среды широких трудящихся масс города и деревни на всех участках нашего культурного строительства, в том числе на участке художественной литературы.

Наши победы на этом участке культурного строительства не ограничиваются одним лишь притоком новых сил, особенно знаменательным является интенсивный рост нашей художественной культуры вообще и литературы в частности.

Классовый враг выступает сейчас в замаскированном виде, — он не действует тихой сапой. Он не удерживается на ногах и крадется ползком. В литературе его способы маскировки особенно сложны и изобретательны. И сейчас, когда вопрос о привлечении лучшей части наших писателей на сторону советской власти решен, перед нами стоит задача окончательного преодоления враждебных влияний.

Новый человек, новые производственные отношения по-новому осмысленный труд и все явления, свя-

занные с той стадией построения бесклассового общества, на которой находимся мы сейчас, — такова тема, под знаком освоения которой прошел в литературе этот год.

Мы имеем на этом пути большие и бесспорные достижения. Книжки, посвященные великому перелому в сельском хозяйстве, обещающим общепризнаны. Сделаны первые шаги по линии литературного освоения перестройки психики человека, работающего в социалистическом предприятии. Эти шаги знаменуют весьма существенный поворот нашей литературы к новой тематике. Эти шаги знаменуют начало работы по освоению подлинно новой темы.

Писатель вплотную столкнулся с действительностью. Он ощутил себя частью ее. Он почувствовал свое могущество в деле ее перестройки. Он стал участником борьбы, происходившей вокруг. И эта связь, это участие сразу подняли наших писателей на высшую ступень познания мира, сразу сделали нашу литературу первой литературой в мире.

Уровень, которого достигла страна, уровень теории, которой она овладела, определил возможность нового и действительного понимания мира. История, осмысленная на нашем этапе, предстает перед нами по-новому. В этой области литература уже сказала свое слово, в этой области литературе многое еще предстоит сказать.

Литература как оружие нашей партии в грандиозной борьбе по построению бесклассового общества становится все более совершенной. Все более актуальны темы, которыми она оперирует, все глубже пласты, которые она поднимает, все более развешиваются ее тематический диапазон.

Подводя итоги сделанному в нашей стране, подводя итоги созданному, завоеванному и освоенному, мы с уверенностью можем сказать, что литература наша достигла в истекшем году такого уровня, который обеспечивает ей возможность правдиво отобразить великодушную нашу действительность во всем ее творческом многообразии.

ЦК ВКП(б) с прискорбием извещает о смерти старого заслуженного революционера-большевика, одного из видных строителей советской социалистической культуры

тов. Анатолия Васильевича ЛУНАЧАРСКОГО

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ (1875 г. — 1933 г.)

Анатолий Васильевич Луначарский родился в 1875 г. в Полтаве. Образование получил в киевской гимназии. С 15 лет принял участие в революционном движении, стал изучать марксизм и был одним из руководителей нелегальной организации учащихся, охватившей все учебные заведения Киева.

С 17 лет стал вести пропагандистскую работу среди рабочих железнодорожных мастерских и ремесленников. Уже в эти годы А. В. проявляет задатки выдающегося пропагандиста и агитатора, каким он стал впоследствии. По окончании гимназии А. В. поехал за границу для изучения философии и общественных наук. Поступил в швейцарский университет, где в течение двух лет занимался естественными и философией, главным образом, в кружке последователей философии Рихарда Авенариуса, продолжая в то же время изучение марксизма под руководством Аксельрода и отчасти Плеханова.

В 1899 году А. В. Луначарский возвращается в Россию, в Москву. Здесь вместе с сестрой Владимирой Ильичей Лениной и Е. Елизаровой, Владимирским и некоторыми другими товарищами А. В. принимает участие в возобновлении работы Московского комитета РСДРП, ведет пропаганду в рабочих кружках, пишет листовки, руководит наряду с другими членами МК стакками. Подвергается аресту, но затем выпущается на поруки и переезжает снова в Киев, где возобновляет революционную работу.

После вторичного ареста в Киеве А. В. препровождается в таганскую тюрьму в Москве, где содержится в течение восьми месяцев. Это время он использует для усиленной работы по философии и истории, особенно истории религии. Затем А. В. высылается в Калугу, где создается тесный марксистский кружок, в который кроме Луначарского входят И. И. Скворцов (Степанов) и др.

По окончании ссылки А. В. возвращается в 1903 г. в Киев. После раскола РСДРП он целиком присоединяется к большевикам. Письмом из Женевы В. И. Ленин пригласил т. Луначарского выехать в Швейцарию и принять участие в редактировании ЦО большевиков. Здесь он неоднократно по заданию Ленина выступает как агитатор, особенно сведущий в философских вопросах. В конце 1905 г. А. В. возвращается в Москву и входит в редакцию большевистской «Новой жизни» и последовательно заменяющих ее легальных газет. Еще до этого в 1905 г. он по поручению Ленина доклад о вооруженном вос-

это время двухтомный труд «Религия и социализм» вызвал резкую сокрушительную критику Ленина и Плеханова.

В 1911 г. А. В. переезжает в Париж. В 1913 г. А. В. с группой товарищей отошел от основной группы впередовцев и создал кружок «пролетарской культуры».

Как только разразилась война А. В. занял решительную интернационалистскую позицию. Из Парижа А. В. переехал в Швейцарию, и к этому времени относится его близкое знакомство с Розмундом Роданом и Августом Форелем.

В Россию А. В. вернулся несколько дней после Ленина. В Петрограде т. Луначарский входит в организацию «ежедневцев». Вскоре он избирается в городскую думу и становится там одним из активнейших и руководящих политических деятелей.

В июльские дни т. Луначарский, выдающийся оратор и пропагандист, ведет активную агитацию на заводах и фабриках. За участие в июльских событиях он был посажен в тюрьму.

А. В. участвует в Октябрьском перевороте и тотчас же после создания Совета народных комиссаров входит в него как народный комиссар по просвещению. На этом посту А. В. остается до 1929 г. В годы гражданской войны А. В. неоднократно бывал на фронте в качестве уполномоченного Реввоенсовета республики.

С 1929 г. А. В. работал в качестве председателя Комитета по заведению учебных и учебными учреждениями при ЦИК СССР, являлся членом всесоюзной Академии наук, директором Научно-исследовательского института литературы и искусства Комкадемии, ответственным редактором «Литературной энциклопедии» и многочисленных других изданий.

А. В. был участником многих международных научных конгрессов, членом советской делегации сначала в подготовительной комиссии к международной конференции по разоружению, а затем членом советской делегации на самой конференции. А. В. неоднократно выступал в Женеве, защищая советские проекты разоружения и советскую политику мира.

В августе 1933 г. А. В. был назначен полномочным представителем СССР в Испании.

А. В. был членом ВЦИК нескольких созывов.

Несмотря на тяжелую болезнь сердца, А. В. до последнего момента не прерывал своей большой и напряженной политической и литературной деятельности.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СССР — К XVII СЪЕЗДУ

КНИГА О ЛЕНИНГРАДЕ ЭСТАФЕТА ИМП ЛИТЕРАТУРЫ

Подготовка ленинградских писателей к XVII съезду партии пока что выражается в закладке фундамента многолетнего коллективного произведения о городе Ленина. Контуры этой книги уже намечаются литературной общественностью.

Разговоры шли о двух вариантах...

Один писатели предлагали показать в книге лицо трех городов: Санкт-Петербурга, Петрограда и города Ленина — образцового социалистического города...

Это предложение отвергнуто большинством участников последнего заседания Оргкомитета, ибо такая традиционная схема едва ли будет соответствовать задачам книги. Второй вариант, нашедший больше сторонников, — это охват периода, начинающегося с февраля 1917 года. Впрочем, февраль-Октябрь должны быть лишь «предисловием». Основным материалом в книге намечается Ленинград после Октября. Ленинград — утро пролетарской революции — должен быть отобран во всей своей многогранности.

Но книга не явится историей города.

— Наша задача, — сказал М. Колосов, — показать наш город в движении. И авторами нашей книги, кроме писателей Ленинграда, кроме всех советских писателей, любящих и знающих город Ленина, должны явиться и рабочие, и специалисты, и ученые, и художники...

Размер книги предполагается 100 листов — три тома!

Жанр? Его определят еще труднее. Во всяком случае книга должна быть высокохудожественным произведением, увлекательным и интересным, рассчитанным, что его будут читать миллионы, что оно останется памятником для будущего...

Инициатива писателей встречает сочувствие в партийных и советских кругах.

Сейчас Оргкомитет поручил группе писателей разработать подробный план создания книги о городе Ленина. Писатели с энтузиазмом берются за дело.

Б. Р.
Ленинград.

Институт красной профессуры организовал эстафету им. XVII партийного съезда.

Ее задача — подтянуть всю работу института на следующую, более высокую ступень с тем, чтобы полностью обеспечить требования, поставленные перед ним партией по подготовке высококвалифицированных кадров партийной литературы. Несмотря на имеющиеся еще существенные недостатки институт уже сумел «построить» свою работу, — как указывается в решении комиссии по чистке, — под углом зрения обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров в области литературы, на основе «ловящихся» воинствующей партизанщины, большевистской выдержанности и бдительности как в учебной и производственной, так и партийной работе.

Эстафета ставит конкретные задачи перед каждым икастом на социалистическом соревновании, заключающемся между ИКП литературы и ИКП философии.

Объектами соревнования являются наряду с учебной общественная, партийная работа и участие икастов и преподавателей в текущем литературном движении. Особо выдвинуто требование участия в печати.

Институт организовал для широких кадров партийного актива и студенчества систематические лекции по мировым и русским классикам. Уже проработаны такие темы, как «Пушкин», «Герцен», «Шекспир» и «Бальзак».

С целью привлечения на эти лекции рабочих крупных заводов и фабрик, их предположено перенести непосредственно на предприятия.

Для преподавателей московских вузов организованы научно-исследовательские доклады.

По линии Оргкомитета ССП силами товарищей, выделенных институтом, ведется значительная работа в комиссиях комитета, а также в вечернем литературном университете.

К годовщине смерти Ленина подготовляется ряд специальных лекций и статей. К XVII съезду партии готовится критический обзор художественной литературы за период от XVII до XVII съезда.

Институт организует выездные свои слушателей и преподавателей на периферию как для проведения лекционной работы, так и для установления литературных вечеров. Так, для рабочего и партийного актива был проведен лектор на Коломенском заводе. На Северный Кавказ на днях выехало бригада Оргкомитета в составе преподавателей и слушателей ИКП. На днях получен специальный запрос от бюро ИТС из Соликамска.

Повышение качества всей этой работы с особой категоричностью и выдвигает на первый план эстафету им. XVII партийного съезда.

В эстафете уже включилось и вечернее отделение ИКП, которое обслуживается силами основного, которое, несмотря на ряд трудностей, сопряженных с совмещением учебной работы с работой его слушателей на производстве, показало значительные учебные успехи.

Н. С.

БОЛЬШЕВИК-ЛИТЕРАТОР

Еще стояла «Аврора» против Зимнего дворца. Немцы наступали со стороны Нарвы. Республика была соединена со всем миром только радио. Был первый год революции.

Шекспир и Шиллер играли в театрах опустоленного города, красноармейцы аплодировали Франсу Муору, народные празднества заняли улицы. На площадях ставились памятники. Люди узнавали новые имена.

Анатолий Васильевич Луначарский — нарком просвещения — обаятельная Александру Блоку, что такое революция, и в речах говорил всей стране, что такое коммунизм.

Сравнительно легко понять, как в данный момент искусство связано с экономическими отношениями, и трудно понять, как оно их переживает.

Анатолий Васильевич понимал сложность зависимости культуры от всего хода развития человечества и

как коммунист чувствовал ценность культурного наследия человечества.

У Анатолия Васильевича были ошибки, но он всегда был тверд в одном — в понимании того, что пролетариат, становящийся человечеством, ведущий человечество к бесклассовому обществу, является единственным наследником всей мировой культуры. Он дорожил ею, как хозяин, ежедневно чувствовал связь с ней, верил в то, что она нужна и заводу и деревне, знал это, когда это знали очень немногие.

На скучных лицезерных заседаниях Лиги наций последние годы жизни внимательно читал Анатолий Луначарский драмы Шекспира, считая Шекспира своим современником, современником своей страны, а людей Лиги — случайными прохожими.

Руководствуясь указаниями Ленина, сохраняя Луначарский театры, музеи и людей искусства. Часто те люди, которых сохранял и берег Луначарский, говорили о нем как о пророке, не узнавая в этом великом человеке хозяина.

Казалось странным существование оперы в голодной стране, казались

странными театры на фронте, казались странным издание в первые дни революции классиков по старым матрицам.

Терпение революционера, понимающего специфику искусства вела Луначарского.

Он понимал, что нельзя требовать от художника создания вещей, которые он уже понял, но не пережил еще, как свои.

Левые в первые годы революции удивлялись тому, что не атакован Пушкин, Луначарский издала Пушкина и левых, предвзята будущее.

Партия вела свою неизменную линию, вела к одной цели, меняя методы и людей. Партия, идя по ленинско-сталинскому пути, 28 апреля еще раз подтвердила и обожгла всем свою линию, линию борьбы за искусство социализма.

Историк будущего человечества прочтет труды Луначарского, труды большевика-литератора, одного из видных строителей социалистической культуры.

Мы, советские писатели, сохраняем память об этом замечательном человеке, нашем друге и старшем то-

варше. Многие из его литературного наследия войдут в арсенал нашего оружия в борьбе за социалистическое искусство.

Асеев, Афиногенов, Архангельский, Авербах, Баль-Белоцерковский, Болотников, Бахметьев, Багрицкий, Безмясников, Вишневский, Габрилович, Горбунов, Герасимов, Ермилов, Зелинский, Замойский, Ильенков, Инбер, Илеш, В. Иванов, Кирсанов, И. Катаев, В. Катаев, Колыбин, Караваев, Кирион, Кирпотин, Лидин, Леонов, Лапин, Луговский, Ф. Левин, Б. Левин, Малышкин, Маркин, Митрофанов, Никулин, Неверов, Новиков-Прибой, Олеша, Павленко, Панферов, Пастернак, М. Розентау, Ставский, Славян, Свиданский, Сергеевичев, Светлов, Серебряков, Третьяков, Успенский, Шухов, Шагякин, Шкловский, Юдин, Яценко, Яковлев.

Сборник «Советской литературы»

Издательство «Советская литература» выпускает к партсъезду сборник «Тридцать третий год». В сборник включены рассказы, очерки, стихи писателей, посвященные показу различных боевых участков нашей страны в завоёванных и в козлах за 1933 год — первый год второй пятилетки. Сборником охватены политотделы МТС Северного Кавказа, Украины, ЦЧО, Средней Волги, заводы и шахты Москвы,

Ленинграда, Донбасса, Урала, Сталинграда, Украины, Кузбасса и др.

В сборнике принимают участие писатели А. Серафимович, Ф. Панферов, В. Ставский, П. Юдин, А. Безмясников, Г. Васильковский, Б. Галин, В. Ильенков, А. Исбах, А. Гидаш, Б. Горбатов, Н. Демьяненко, Б. Резников, А. Эрих, С. Шипачев, З. Чаган, С. Виноградская, Д. Заславский и др.

Издательство «Советская литература» выпускает к партсъезду сборник «Тридцать третий год». В сборник включены рассказы, очерки, стихи писателей, посвященные показу различных боевых участков нашей страны в завоёванных и в козлах за 1933 год — первый год второй пятилетки. Сборником охватены политотделы МТС Северного Кавказа, Украины, ЦЧО, Средней Волги, заводы и шахты Москвы,

Партия и Советский Союз потеряли преданного бойца

Редко ряды живых свидетелей первых шагов созданной Лениным партии. Редко ряды участников ее исторической борьбы; проведенной в тяжелейших условиях подполья царской России. Силою нечестивых фронта ленинской культуры революции потерял одну из ярчайших фигур, потерял в разгаре величайших побед, на пороге новой эпохи, которую открывает собою XVII съезд партии.

Яркой и многогранной была фигура Анатолия Васильевича Луначарского, тяжел удар, принесенный его смертью.

Большевик отличается тем, что он всегда, при всяких обстоятельствах — на своем месте и за пределами — это место, указанное ему партией и классовым инстинктом, всеми силами. Большевик отличается еще и тем, что он, когда это нужно, сумеет быть одновременно на разных участках единой борьбы пролетариата, где его сила, знания могут быть полезными. Большевик не замыкается в один какой-либо, более или менее узкий, круг специальных интересов, профессиональных заданий. Его специальность, его жизненная профессия — быть в авангарде революционного пролетариата. Большевик отличается и тем, что сумеет подчинить свои человеческие слабости единой воле партии, сумеет относиться к самому себе критически, сумеет перестроиться, если это нужно.

Таким образом, таким, целиком отдающим себя делу революции, участвующим в ее различных фронтах таким гибким и крепким бойцом т. Луначарский, отличающийся огромной эрудицией и поэтически чутким сердцем.

Четырнадцатилетним юношей приобщился он к революционному движению. С этого момента мы его встречаем как агитатора и пропагандиста, как сотрудника партийных газет, как подпольщика, ссыльного, автора брошюр и книг по вопросам философии, эстетики, истории литературы, как блестящего художественного критика, как организатора ответственных участков культурной революции, как любимого оратора митингов, широких собраний, автора пьес, исследователя и участника наших делегаций на международных конференциях. И товарищи по работе, сотрудники его и те, которым приходилось сталкиваться с А. В. по работе, по отдельным поручениям или просто в диспутах, помнят и должно будет вспоминать его как нежного близкого, чуткого человека.

В борьбе за социализм всегда немаловажную роль играл вопрос об интеллигенции. В их кружках и тесных кругах, как выражался Ленин, находилось то культурное наследие, без которого «мы жизнь коммунистического общества построить не можем». В этом отношении, в отношении умения подойти к носящим старой, капиталистической культуры, в отношении помощи партии в осуществлении ленинской политики, роль А. В. Луначарского была всегда весьма важна. Но и сам был живым носителем огромного культурного багажа. Громотное конкретное содержание этого багажа он изложил в день передачи молодому поколению, передавая в особую привлекательную форму и перерабатывая с большим для самого себя наслаждением.

Ленин говорил о том, что многие

из специалистов приходят к пониманию советской власти, ее задач, к пониманию социализма через свою профессию, через свою специальность. В области литературы и искусства А. В. Луначарский много и многим облегчил этот путь, для многих открыл в их специфике такие перспективы, дал в руки такие нити, которые отыскал сам, нити, нашедшие или под простыми напором со стороны было бы трудно.

Ибо мы знаем, что недостаточность суметь правильно поставить вопрос о понимании наших литературно-художественных задач. Надо уметь и проводить в жизнь осуществление этих задач. Надо уметь работать с людьми. Надо уметь помогать росту новых кадров, раставлять силы. А. В. Луначарский и в этом отношении дал очень много. Сотни и тысячи молодых литераторов, художников, музыкантов, театральных работников с благодарностью будут вспоминать ту помощь, которую он оказывал тем, кто в области культуры и искусства (НКП) и морально.

И здесь, как во всей своей многогранной деятельности, он всегда четко ставил один центральный вопрос — вопрос о борьбе за качество художественной продукции. Он всегда выставлял примером для работников наших пролетарских искусств те блестящие фигуры развития человеческой культуры, которые были столь близки его сердцу. Шекспир, Мольер, Гете, Бальзак, Пушкин, Чернышевский, Микеланджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Мусоргский и т. д. — эти имена и конкретное содержание этих классических имен выставлялись им всегда как тот идеал, который мы должны превра-

тить в нашей художественной практике в массовое явление, преводя их изумительные художественные качества на социалистическое основание.

А. В. Луначарский был учителем широчайших слоев работников культурного фронта и учил их всегда конкретно, на живом материале, учил их всегда как живых людей и сам жил жизнью их борьбы.

За последний год своей жизни А. В. Луначарский много времени, много сил своей угасающей энергии отдавал критике и научно-исследовательской работе. Тот факт, что он вплотную подошел к работам Оргкомитета союза писателей, что он келко влезал за реорганизацию работы И-та литературы и искусства Комкадемии, его работа в Академии наук, весной этого года наполнил радостью всех работников теории и критики литературы и искусства. Наши надежды не оправдались. Смерть лишила нас нашего любимого руководителя.

Партия и Советский союз потеряли еще одну ценнейшую единицу, культурную, прекрасную и яркую фигуру преданного бойца.

В дальнейшей нашей борьбе за бесклассовое социалистическое общество и его культуру память об А. В. Луначарском будет с нами, и мы всегда будем его вспоминать как одного из пионеров социалистической литературы, социалистического искусства.

УСПЕВИЧ, САЦ, МАЦА, ГЛАГОЛОВ, СЕРЕБРЯНСКИЙ, СУРВИЛОВ, КОВАЛЕНКО, НУСИЛОВ, ХРАПЧЕНКО, ШИДЛЕР, ЛИВИЦКИЙ, АРАКЕЛОВ, ЛАНИН, РЕМБЕЛЬ, БРЯТЕНКО, СТАРЦЕВ, ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ.

ПЕРВОЕ ЧИСЛО

Между первой и второй песней, жизнью, пятнадцатой — утро входит с зимней веткой мне в окно.

Серой, утренней порой в 7 часов — гудки и хлопья, вебо смотрит исподлобья мне в окно.

У трамвая люди ждут с новогодиных вин в водок, ветер вносит цифры сводок — мне в окно.

Отдаленной Пресни гуд, гуд работы полным ходом валетает с новым годом мне в окно.

Мне в окно валетает ветвь

снежной утренней газетой, снег летит с газетой этой мне в окно.

Весь в снежинках белый свет, весь разделан мир под нией насадил хвощей и пиний мне в окно.

Я вскричу: — Готов! Кузбасс! — Чай готов, ты скажешь тихо, — дель летит с флажка ЦИКа мне в окно.

Кто ж поздравит в первый раз? Хлопья, строи или ветки, — вдунув свежесть пятнадцатой мне в окно?

СЕМ. КИРСАНОВ

26 декабря в 18 часов в Ленинском театре скончался АНАТОЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

УМЕР АНАТОЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ
большевик, ученый, литератор, знаток искусства

Он умер, как воинствующий большевик, как литератор, не оставив пера, не прекратив работы до последнего своего часа.

Всю свою жизнь т. Луначарский отдал пролетариату, борьбе за пролетарскую революцию. Те, кто знал его лично, и те, кто знал его только по литературным произведениям, будут помнить прекрасного большевика, глубоко знающего литературу и искусство, чуткого товарища.

Тем тяжелее эта утрата.

Редакция «Литературной газеты» вместе со всей советской общественностью переживает тяжесть утраты одного из лучших бойцов на фронте социалистической культуры.

СМЕРТИ НЕТ — ЕСТЬ ЖИЗНЬ, НАУКА, БОРЬБА, БУДУЩЕЕ

Умер Анатолий Васильевич Луначарский. Трудно сразу осмыслить эту тяжкую и громадную для нас потерю — для нас, строителей социализма, для нас, людей, работающих над искусством социализма. В этом человеке воплотился великий эпос социалистической революции: жизнелюбивый, молодой, веселый. Последний раз я видел его говорящим в феврале этого года на пленуме Оргкомитета Союза советских писателей. Седой, с желтовато-оливковым лицом, на котором уже чувствовалось дыхание смерти, он вышел на трибуну — и сразу же из этого слабого тела вырвался и пошел над залом Комкадемии неустойчивая молодость, гигантские знания и неистребимая вера в великое дело нашей эпохи, дело Ленина и Сталина. Этот человек был блестящим, великим оратором, и оратором в самом высоком значении этого слова. Я слышал его много раз — и в выступлениях перед аудиторией и в тесном кругу литераторов, — и всегда и всех поражали его колоссальные знания — в области искусства, в области ли науки или в области философии. Эти знания не засты-

Была премьера, ощущение радостного спектакля, шекирская комедия, успех большого культурного художника, автора декораций, ощущение успеха и движения вперед советского искусства. Друзья этого искусства собрались в тесных комнатах управления. Это были в общем неизменные зрители, друзья советского театра, люди, не пропускающие ни его побед, ни его неудач. Среди этих людей десять, пятнадцать лет подряд мы привыкли видеть человека, которого почти везде называли по имени и отчеству, не упоминая фамилии. Собственно говоря, это был его спектакль. Шекирская комедия, о которой он мог бы сказать множество интереснейших и малоизвестных вещей и говорил бы с врожденным ораторским искусством, блеском и убедительностью.

Я хочу сказать о Луначарском-литераторе, писателе, человеке из «задорного цеха», как окрестил нашу среду Пушкин.

Нельзя было не склониться перед его эрудицией, перед теми баррикадами, крепостями томов, которые взял Анатолий Васильевич Луначарский. Нельзя было не преклониться перед великолюбой памятью этого человека, перед редкой способностью поднимать на идеальную высоту любой, казалось бы, незначительный спор. Нельзя было не удивляться способности этого человека легко, по-литераторски быстро откликаться на любое, сколько-нибудь значительное событие в области искусства и культуры.

Менее всего это был литературатор, кабинетный человек, библиотечный житель. Он обладал

высоким литературным профессионализмом, он знал до тонкости трудное литературское ремесло, он был настоящий литератор, способный легко и превосходно выполнять оперативное задание газеты и самое сложное задание серьезного теоретического журнала. Разве не ценны в нем литературский темперамент, задор и отзывчивость?

Когда вы слушали его публичные выступления, иногда у вас могло создаться ошибочное впечатление — вы могли подумать, что перед вами только эрудит, профессиональный оратор, «златоуст», как любил выражаться в прошлом, оратор для квалифицированной аудитории. Между тем в эпоху гражданской войны он выступал на красноармейских митингах и иногда в частях, которые никак не могли считаться образцовыми красноармейскими частями. Его слушали с огромным вниманием. Политработники ценили Анатолия Васильевича как замечательного пропагандиста и агитатора.

Наши враги пытаются представить большевика в образе сухого, замкнутого, мыслящего крайне утилитарно филантера. Они пробуют лишить большевика человеческих, человеческих черт, засушить, обезличить тип революционера-большевика в литературе. Между тем истинный большевик, думая о том, что искусство должно быть целеустремленным и высоко идейным, не может не отдаваться изучению этого искусства с пламенем и вдохновением. Именно так любил ис-

Оргкомитет Союза советских писателей СССР и РСФСР с глубокой скорбью извещает о смерти блестящего представителя советской литературы, большевистского теоретика искусства, строителя социалистической культуры

Анатолия Васильевича ЛУНАЧАРСКОГО

Академик Луначарский. Революционер, ученый

В лице Анатолия Васильевича Луначарского ученый мир потерял талантливого трибуна, мыслителя, литератора.

Проблемы научно-технической мысли были столь же близки Анатолию Васильевичу, как и вопросы искусства. То большое внимание, которое Анатолий Васильевич уделял Академии наук, его конкретная научная работа академика сделали его имя еще более популярным среди научно-технической общественности Советского союза.

Мы чтим память человека высокой культуры, столь пламенно отдававшего все свои силы делу служения науки и искусства.

Академик И. Г. АЛЕКСАНДРОВ **Академик ДЕРЖАВИН**

ЗАМЕНИТЬ НАС ЕСТЬ КОМУ

На первом листе изданного ОГИЗ пятитомника Пушкина обозначены редакторы: Д. Бедный, Луначарский, проф. Сакулин, Шеголев.

Пришла смерть и стала косить редакторов, одного за другим. Умер Сакулин. Умер Шеголев. Умер Луначарский. Остался я один.

Выводы напрашиваются грустные, да и вообще смерть грустная вещь. Живому с ней невозможно примириться. Особо в нашу минуту

ЛУНАЧАРСКИЙ В МОРП

Эта статья ни в коем случае не претендует на то, чтобы дать оценку роли т. Луначарского в международном движении революционных писателей; я хочу только рассказать несколько характерных эпизодов из деятельности Анатолия Васильевича, первого председателя МОРП — в самом начале организации революционных писателей в международном масштабе. Первые попытки создать международную организацию революционных писателей Анатолий Васильевич обосновывал не теми доводами, которые были написаны на наших знаменках, т. е. что «революционная литература достаточно мощна, чтобы в мировом масштабе бороться за гегемонию». Напротив, он считал, что мы должны изучать работу друг друга, для того чтобы, как он говорил с добродушной иронией, учиться на слабости произведений наших ближайших товарищей». Когда он увидел, что наши аппетиты значительно более велики, он не отступил от работы, но попытка умерить наше нетерпение.

В конце 1925 г., когда мы выстроили из международной организации балласт детских требований ультралевых, Анатолий Васильевич, который помогал нам в этой работе, оказался пророком, к проществу которого мы тогда, к сожалению, отнеслись недостаточно серьезно. Когда я критиковал снятое руководство международного бюро и говорил о наших перспективах, Анатолий Васильевич сказал: «Вы критикуете очень правильно, но в своей программе вы даёте основание для такой же резкой критики».

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

С каждым днем их становится все меньше и меньше, этих старых революционеров, делавших революцию. Этих бывших подпольщиков, политформ, поселенцев, подпольщиков. Их надо было бы в порядке партийной дисциплины засаживать за мемуары и воспоминания. Иногда они пишут их, но чаще всего они умирают, не успев рассказать о своей жизни. И тогда мы восстанавливаем ее по их научным, литературным или критическим трудам, по их выступлениям, по отдельным беседам, по собственной памяти.

В этих старых большевиках, при всем их разнообразии, есть нечто общее и неповторимое, как-то особая линия, какая-то своя мелодия. У них есть свои привычки.

Они знали революцию совсем еще юной: синеглазая и длинноногая, с ними она шла в Шансесбургской крепости и уезжала вместе с ними в Вологду или Тюмень.

В эмиграции, в Женеве или в Париже, на несельских эмигрантских балах они встречали новый 1907 или 1910 год. Они чокались и говорили друг другу: «Когда-нибудь мы встретим новый год в свободной России». Но никто не знал, когда это будет.

Эти старые люди не стареют. Их седая юность не знает усталости. Их привозят на собрание в удобном автомобиле. Подминаясь по лестнице, они еще покрываются от опарухи на руку почтительного комсомольца. Но на страже перед темной корабчатой рамоушником они преобразившиеся. Старческий голос крепнет. Рука с выпуклыми ве-

нами молодым жестом обводит зал. И в зале становится тихо, вплоть до сумрачных задних рядов, где обычно долгие все сохраняется шевеление. Зал молчит и слушает одного из тех, кто делал революцию.

Эти старые большевики не любят хворать. Они хворают невзначайно и небрежно. Иногда их силой везут куда-нибудь в Ессентуки или Кисловодск.

Там они вяло пьют водичку, жадно глотая газету. Иногда, не дожив лечения, они стремятся лететь туда, где жлет их работа. Иногда они умирают на самой работе, как умер Державинский.

Иногда за несколько часов до смерти, где-нибудь в подмосковном доме отдыха, сиди в кресле, они диктуют политические статьи, как Клар Цеткин, иногда перед самым докладом у них лопается в мозгу крупный склеротический сосудик. Горлом или носом идет кровь, насквозь пропитывая носовой платок. Но докладчик не соглашается отменить доклад. Как же можно? Вель большой зал Комкадемии полон. Вель множество писателей пришло послушать о социализме. Но у болезни свой распорядок, свой регламент: доклад приходится все же отменить. Он состоится только на другое утро.

Как плохо выглядит докладчик. Из-за болезни ему пришлось удалить глаз. И теперь его лицо странно изменилось: у этого лица два разных профиля. Один — хорошо знакомый, с острым, живым и насмешливым взглядом. И другой — усталый и неподвижный. Но голос все тот же. И интонация все та же:

СМЕРТЬ ТАЛАНТЛИВОГО ТРИБУНА

Деятели революционной культуры и литературы об'ята глубокой скорбью и печалью. Умер один из первых большевистских руководителей и организаторов фронта советской социалистической культуры, умер крупный писатель и блестящий критик.

Писатели Ленинграда горестно переживают смерть талантливого трибуна революции и социализма, чье имя вошло в историю преобразования нашей страны.

От имени президиума Ленинградского оргкомитета ССП: Н. ТИХОНОВ, МИХ. КОЗЛОВ, Н. НИКИТИН, БЕЛЕЦКИЙ.

ОГРОМНАЯ ПОТЕРЯ ВЕЛИКИЙ ДРУГ ИСКУССТВА

Умер Луначарский, великий друг нашего искусства. На славном пути советского театра он был первым, кто помог сохранить и создать дело театра, кто дарил нас мыслью, сочувствием, глубиной культурной человека и художника. Мы присоединяемся к все советской современности, к тяжелой скорби о потере, вонзину неизвестности.

Народные артисты ПЕВЦОВ, ЮРЬЕВ, КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Заслуженный деятель искусств СУШКЕВИЧ

ОН СУМЕЛ БЫТЬ БОЛЬШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Умер неутомимый большевик, соевым боями, на пути в страну, породившую величайший романтический образ Дон-Кихота.

Умер тем же жизнелюбивым романтиком, замечательным человеком, пламенным трибуном. Таким сохранился он в воспоминаниях друзей и товарищей.

Он был сердечен и искренен. В нашу гигантскую эпоху он сумел быть большим человеком.

Н. ТИХОНОВ

ЛЮДИ ТЕАТРА НЕ ЗАБУДУТ ЛУНАЧАРСКОГО

Сколько ни живешь на свете, как ни философствуешь, а все не можешь отделаться от взрыва досады, сдвинутого негодования, бесильной злобы при известии о смерти человека, каждый день которого мог нести людям или пользу или радость, или то и другое вместе...

Смерть Луначарского не явилась неожиданностью и все-таки потрясает... В первые часы после известия ярко и быстро мелькают лишь главные черты воспоминаний: об его богатом общественном прошлом, об участии в громадных революционных сдвигах, об успехах и ошибках...

Прежде всего: исчез огромный ораторский талант. Кто только не находился под обаянием, красочной убедительностью и огневостью речей Луначарского! Люди театра не забыли, как в первые месяцы революции они приходили на собрания, зарженные «протестом» до зубов, со стиснутыми скулами, а после полурасовой зажимательной речи, под мягкими, но беспощадными ударами железной логики сбрасывали с себя все сомнения и с места рвались в бой за вожаком. Самые непримиримые, самые угрюмые!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Интересно жить и писать в нашей стране

Время после XVI партийного съезда прошло для меня в попытках передать в художественной форме те грандиозные процессы социального переустройства, которые происходят по всему простору нашей страны. Я хочу писать роман о первой пятилетке. Открытые из «Бригады Власова», отдельные новеллы, напечатанные по разным журналам, в частности в журнале «Фасказы товарища» и в издательстве книжки «Люди горячего дела» (изд-во писателей в Ленинграде) — все это подступы к большой теме. В то же время меня постоянно интересуют и коллективизация сельского хозяйства, хроникальная повесть «Накануне», которая создавалась на основе наблюдений 1928-

Г. ЛАХУТИ

ЛИТЕРАТУРА СТАЛА РОДНЫМ, КРОВНЫМ ДЕЛОМ

Историческое апрельское постановление ЦК ВКП(б) ознаменовалось в таджикской литературе подлинным поворотом. Новые, молодые кадры писателей стали притягивать из колхозов, совхозов, предприятий. Ряд старых писателей, вырвавшись из-под влияния буржуазно-националистических идей, решительно переходят в наш лагерь. Таджикская литература, на языке которого говорят десятки миллионов зарубежных трудящихся, должна иметь литературу, достойную своих завоеваний. Проведенная работа уже стала давать свои результаты. Одно за другим следуют выступления и заявления писателей, разоблачающих деятельность классового врага в литературе, нередко признающих свои собственные заблуждения, решительно разрывая с чуждой им идеологией. Появились новые произведения, характеризующие значительный рост по сравнению с тем, что имело до апрельского постановления, наметив ряд крупных работ в различных областях строительства в Таджикистане, организованный сбор и издание отдельной книжки воспоминаний участников гражданской войны, борьбы с басмачеством.

Впервые создан Союз советских художников Таджикистана. Молодая литература сдельной союзы борю идет навстречу XVII партийному съезду, отразив яростные вылазки классового врага, наполняя своим свежим силками из среды рабочих и колхозников, борясь за

ВЕРА ИНБЕР

Одна 34-я часть

На фронте Большого театра, под выкрики Аполлона, появляясь кляузные буквы: «(так-то по счету) партсъезд». Театр был декорирован и освещен. Это было снаружи, и это я видела. Внутри театра (это я себе представляла) в красных креслах сидели люди, приехавшие сюда со всех концов Союза. Там были представители всех республик и всех областей. Живой этнографический атлас страны: всевозможные разрезы глаз, очертания скуд, отенки кожи. Пестрые халаты и меховые шапки. Короче говоря, партийные съезды я воспринимала чисто внешне, главным образом, с их экзотической стороны. Что же касается самой сущности, то это были «кишки» партийных дел. Непосредственно меня съезд касался, главным образом, в тех случаях, когда из-за съездовских отчетов нельзя было поместить в газету мой очерк или рассказ. Все это было сравнительно недавно и вместе с тем так давно, что я почти не представляю себе этого.

Сейчас XVII партсъезд для меня не менее кровное и личное дело, чем, например, предстоящий съезд писателей. Как это произошло? Мне кажется, что одной из главных причин, мешающих многим из нас, бывшим «попутчиков», по-настоящему ощущать партийные дела страны, была РАПП.

РАПП культивировала и углубляла в писательской среде разницу между рапповцами и нерапповцами, между партийными и беспартийными, между «своими» и «чужими». Лично я, ощущая себя в литературе падчерицей, невольно переносила это ощущение на все остальные области жизни. Это было одиночество. А это тяжело, товарищи. Тяжело в литературе, «своем» своей родной, казаться девочкой чужой. Все это было давно-давно... до постановления ЦК от 23 апреля. Я никогда не думала, что какое-то из нас было постановление может сыграть в моей жизни такую большую роль. Но и самым бывшим рапповцам это постановление пошло на пользу. Вышла из круга своих узко групповых интересов, они увидели, что литература велика, что писатель много и что работать с ними гораздо интереснее, чем отбить у них охоту писать. Именно в порядке такой совместной работы, руковедной Оргкомитетом, редакцией «Истории фабрик и заводов», группой писателей числом 34 человека написана книга о Беломорском канале. В этой книге одна тридцать четвертая часть сделана мною.

До этой книги вопрос в коллективном труде писателей не был решен ни кем. Книжка о Беломорском канале, как и такой труд возможен и что он захватывающе интересен.

Есть темы настолько сложные и новые, что в одиночку с ними труд справиться. Помимо всего про-

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

РАПОРТ СЕМНАДЦАТОМУ

Последние три года — промежуток времени между XVI и XVII съездами партии — самые значительные во всей моей писательской жизни. Эпоха социалистического наступления, предпринятого партией на всех фронтах, открыла для меня широчайшие горизонты — указала мне мое писательское место, мою конкретную задачу.

Вместе с тем появилось сознание огромной ответственности перед партией и классом. Почти полтора года с редким увлечением работая над хроникой «Время, вперед». Эта работа являлась для меня во многом переломной.

До сих пор я писал, как сказать, вслепую, более полагаясь на чувство, чем на разум. Чувство для писателя, разумеется, вещь абсолютно необходимая. Но если оно не освещено разумом, не подчинено идее в полном смысле слова, художественного произведения не получится. Подлинная красота в искусстве есть синтез чувства и разума.

Я хотел создать вещь, которая бы не только отражала один из участков строительства, в данном случае Магнитогорска, но как бы погружала читателя с головой в его ритм, в его горячий воздух, во все его неповторимые героические подробности, произанные насущной одной идеей тема, решающей все.

Я хотел, чтобы «Время, вперед» несло на себе печать эпохи. Я хотел, чтобы моя хроника, мобилируя современного читателя, сохранила свою ценность и для читателя будущего, являясь для него хроникой как бы «исторической».

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

ЭТАПЫ

Апрельское постановление ЦК партии для меня лично имело решающее значение. Оно открыло перспективы, о которых можно было только мечтать.

Я убежден: мы, советские писатели, имеем в своих руках материал, которого не было ни у одного писателя мира. Мы видим величайшую перестройку мира, мы сами участвуем в ней, мы сами заинтересованы в ней, — она наша. На наших глазах человек не только «меняет кожу», но меняет и перестраивает свое мировоззрение, свой подход к миру и к человеку. Владея таким мировым материалом, мы должны, мы обязаны создать Магнитогорской литературы. Технику нашего ремесла мы знаем, мировым материалом мы обладаем, — наша задача дать произведение мировые.

Мы прожили шестнадцать героических лет, изумительных по своим достижениям и трудностям. О каких-то днях этих лет можно было создать поэму, — так они красочны. Но годы становятся ярче и ярче. Весна, лето и осень 1933 года прошли в нашей стране под знаком подвигательской работы. Партия бросила тысячи лучших своих кадров на работу в деревню. Я не знаю работы более трудной, чем перестройка косной деревенской жизни. И этой работой сейчас занят политагител. В течение ряда месяцев я следил за этой работой и в своей повести «Огни в поле» старался правильно отобразить работу политагитела, дать правильно портреты политагителов, показав влияние их на всю жизнь совхоза и окрестных деревень. Мне казалось, что показ работы политагитела —

Лето, которое я провел на площадке строительства Магнитогорска, было незабываемым.

Чувствуя свою теоретическую неподкованность, я взялся за классиков марксизма. Я поглотил «Диалектику природы», несколько томов Ленина, перечитывая речи Сталина.

Между прочим, язык Сталина, точный, ясный, ритмически необычайно богатый, дал мне основную синтаксическую установку.

«... Задержать темпы — это значит отстать. А отстать нельзя. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России заключалась в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны».

Били за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били, потому что это было доходно и сходились безнаказанно...»

«... Вот почему нельзя нам больше отставать...»

Эта темпераментная цитата, органически введенная мною в ткань хроник, и являясь тем ритмическим импульсом, который определял в дальнейшем всю смысловую зарядку и синтаксическую структуру моей хроник.

Говорят, что «Время, вперед» одна из наиболее удачных моих вещей. Если это так, то с тем большим удовлетворением и удовольствием вношу я ее в свой творческий рапорт XVII съезду партии, той

великой, единственной в истории человечества партии, которая с железным, неуклонным постоянством семимильными шагами ведет нашу страну к бесклассовому обществу.

Летом этого года я некоторое время (в общей сложности свыше двух месяцев) жил в политагителе Раздорской МТС и собрал значительное количество материала, который послужит мне в качестве ценного сырья для следующей работы. Это будет большой роман.

Принимая участие в работе над коллективной книгой группы писателей о Беломорском канале. Это дало мне много творческой радости, обогатило писательский опыт.

Пора выйти из круга традиционных тем.

Формируется новое искусство. Устанавливаются между людьми новые отношения. Задачи писателя грандиозно вырастают. Перед писателем во весь рост встает целый ряд тем, требующих самого широкого охвата.

Любовь, семья, творчество, ответственность, счастье, горе, радость, молодость, старость, рождение, смерть...»

Все это надо по-новому осветить, по-новому истолковать и утвердить. Новое общество не может существовать на старых морально-этических основах.

Свою ближайшую писательскую задачу я вижу в немедленном освоении всех этих процессов.

Задача громадная, требующая большого спокойствия, выдержки и напряжения сил. Но миновать ее невозможно.

Эти мои работы — мой рапорт XVII съезду партии.

В последние годы второй пятилетки мы, советские писатели, должны показать в своих произведениях гигантский рост нашей страны, ее формирование нового человека. Перед советской литературой стоит задача огромной важности: изображать героев борьбы на фронте социалистического строительства, через них вести читательскую массу к великому будущему, увлечь ее энтузиазмом борьбы и, наконец, показать человека бесклассового общества.

Каким будет этот человек? Прежде всего и раньше всего он будет самим собой, потому что в бесклассовом обществе на человека извне не будет давить ничто. Впервые в мире человек, наконец, получит возможность развивать свои чисто человеческие качества — ум, волю и любовь к искусству и науке. Сейчас в процессе борьбы с остатками прошлого черты будущего бесклассового человека еще неясны до конца, но, несомненно, будущий человек — это прежде всего человек-творец, волею отдающий своим творческим влечениям, и эти черты уже ясно нам теперь. Дать его полный портрет — одна из основных задач советского писателя.

ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА

Крупнейшее историческое событие

Литература нашей советской страны в канун съезда XVII съезда приближалась к подлинным творцам, к живым строителям новой эпохи. Она разговаривала их языком, берет темы, которые им нужны, которых они ищут, изучают, вливают в их жизнь. Они становятся ее героями.

Предстоящий XVII съезд партии является крупнейшим историческим событием, которое перед литературой поставит немало новых задач, потребует от нее работы по-новому. Съезд в огромной мере ускорит и усилит процесс переделки людей Советского союза, начавшийся с первых дней революции. Новые люди в рабочем классе, в колхозной деревне, в вузе, в научной лаборатории ждут новой книги и нового искусства.

Изменение сознания человека идет вначале медленнее, чем перестройка и переделка хозяйства. Ленину недаром говорил о страшной силе традиций. Упорно не хотели отступать привычные понятия. Упорно сопротивлялись консерватизм чувств. От пролетарской доки буржуазное сознание, заплеванная традиция укрывались в душевное подполье. Гигантские достижения социализма, итог которых большевикская партия будет подводить на XVII съезде, означают, что среди самых широких масс умирает все, что составляло содержание старой дореволюционной культуры. Работы съезда являются могучим призывом к новому героическому энтузиазму социалистической сознательности. Вооруженные решениями съезда, мы, писатели, вместе со всем Советским союзом еще более отчетливо осознаем себя новыми людьми, поставленными в невыносимые условия, перед невыносимыми задачами.

Советский беллетрист может уже теперь готовиться к новым темам. Если он принадлежит к числу тех, которые уверили, что события должны оказаться на известном расстоянии от того, чтобы их можно было помешать ему, наконец, встать за темы первой пятилетки; после съезда эти темы окажутся в известной мере отодвинутыми в план вчерашнего дня, что, конечно, ничуть не уменьшит их важности и значимости. Для писателя, идущего в ногу с жизнью, съезд откроет новые горизонты. Если раньше он описывал стройку новых заводов, борьбу за создание колхозов, теперь он должен будет рассказать об их работе, показать героика освоения и новые окопы классового врага.

Осветить еще более ярким светом нашу эпоху, съезд и работу исторических романистов. Ни Маркс, ни Ленин не считали, что исторический роман может быть выражением «объективной» застывшей исторической истины. Исторический роман всегда смотрит в прошлое глазами настоящего. Чем выше точка, на которой находится наблюдатель, тем более передовым является класс, к которому он принадлежит, тем большей полнотой объективности может он достигнуть. Обычная необъективность исторических романов заключается в том, что автор, подхватывая остатки

консервативного и традиционного в окружающем его, кекрические переносит именно эти реакционные черты в прошлое, рисуя полный их расцвет и соблазнительное торжество. Так пишущий своего рода утопии называет под видом исторических романов. Эта ложная манера не становится верной даже в том случае, если автор старается превратить исторические персонажи в вполне современные фигуры. Социалистический реализм должен найти свое применение и в области исторического романа. Это возможно только на основе правильного понимания прошлого, к которому советский исторический роман может и должен подходить по-новому.

Легенды буржуазная эпоха окрестила своих борцов, казенные скучные измышления опутала имена врагов. Советский исторический роман должен разоблачить призрачные фальсификации, вытащить из-под сула мышленно сокрытые факты, собрать и сохранить для новых людей новой эпохи образы тех, кто должны были быть изгнаны из памяти последующих поколений по воле классового пристрастия буржуазии.

Эту точку зрения я пытаюсь применить в работе над историческим романом «Юность Маркса». Роман должен быть не только фигурой молодого Маркса, но и широко охватить эпоху. Превосходные буржуазные романисты Бальзак и Стендаль оставили нам огромные исторические, но и исторический интерес произведения, рисующие многообразные противоречия в чувствах и бытие своего класса 30—40-х годов. Простариат и его борьба за существование наши свои отображение в их творчестве только как картины нищеты. Формирование пролетариата как класса, его борьба за свое освобождение, героика первых этапов рабочего движения осталась, однако, вне поля их зрения. Ряд писателей буржуазии той эпохи безразлично отворачивались от городских окраин. Социальные проблемы интересовали их только в такой мере, в какой они становились насущным вопросом их класса (мелкой, крупной буржуазии, аристократии).

Первая часть моего романа начинается лионским восстанием и оканчивается периодом пребывания Маркса в боннском университете. Вторая часть, которую я пишу теперь, доходит до начала коммунистической деятельности Маркса. Первая часть романа является той книгой, с которой я иду к съезду. Нужна ли «Юность Маркса» нашему читателю? В чем связь романа с нашей эпохой? Мой ответ: приближить «живого» Маркса как человека своего времени к нашему читателю значит помочь ему приблизиться к учению Маркса. Наш читатель должен знать не только вполне сложившегося или отвлеченного Маркса, он должен знать, как Маркс, перестав непосредственное окружение, сложился в эпоху буржуазных революций в величайшего вождя пролетариата и как затем он перешел в бессмертного учителя всех грядущих пролетарских революций.

В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ.

ГОЛОС НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Каждый съезд нашей партии — это не только новый этап советской действительности, но и только исторический шаг — это мировая история. Каждый уголок нашей жизни — это не только «материал» для писателя, — это мировая тема. Но говоря о росте нашей страны, мы как мы кажется, не в достаточной степени отдаем должное человеку, который создает этот рост и творит мировую историю. Этот человек заслуживает большого внимания. В нем еще много «дефектов» от прошлого, еще далеко не изжито «родимое пятнышко» капитализма, но то, что этот человек растет в сторону изживания этих дефектов, — нет никакого сомнения. Социалистические элементы нашей страны, социалистическое бытие, определяя сознание, является гарантией качественного роста и формирования

нового человека. Коллективная природа производственных отношений — это мировое явление, которое создает новую этику, мораль, быт, новое качество чувств, новое «ядро» человека. Вот почему с зарубежной стороны с таким вниманием, опаской, ненавистью и любовью устремлены взоры одних, с такой верой, надеждой и любовью — других. Вот почему с таким интересом следят за советской литературой и друзьями и враги.

Голос этого человека мы слышим во всех уголках нашей части мира, голос его мы услышим на XVII съезде. Эхо — за рубежом.

Вот этого нового человека я пытаюсь показать в своей новой повести, которую театр им. МОСПС готовит к открытию съезда.

С. МАРШАК

КНИГИ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

На ближайшие годы у меня две задачи. Одна — поработать над книгой для самых маленьких советских граждан: над считалкой, прибауткой, песенкой, сказкой и рассказом в стихах. Это основные виды детской поэзии, — у них есть глубокие традиции в фольклоре, в большом искусстве. Но нужно, чтобы у нас они наполнились новым содержанием, пришли в пору советскому ребенку.

Вторая моя задача — это детская повесть. Я давно подбираю материал для книги о цыганятах, — не о кочевых цыганятах, а о ленинградских жителях, учениках трудовой школы. В повесть войдет рассказ о делах-выпахах, которые до сих пор хранят в кистях полутьмные паспорта с русскими и румынскими пограничными печатями и с полицейской отметкой: «Цыган. Особые приметы: прямой нос, курчавые волосы, крытая повозка, карая лошадь». Судьба старого поколения цыган

ВКЛЮЧИТЬСЯ В ПАФОС ОСВОЕНИЯ

революция дада так много, что просто не выразить. Знают люди, что к чему, а все-таки, ах, мало еще известно, еще недостаточно преодолели пресловутый уровень «российского интеллигентства с высоким образованием». Оттого констатируем больше, чем предвидения. Ведь скажи кто с восторгом этойкой чеховской Соци о «весе в алмазах» или что через двести лет жизнь будет прекрасна — его засмеют как блаженствующего, потому что предвидение наше конкретно и образно. Очень старый вопрос о связи писателя с действительностью, по существу, все время освещается новыми требованиями, вроде такого, например, как пафос освоения. Ведь сколько областей промышленности, хозяйства, науки работают на новой высококачественной основе. Огромная страна, ни на минуту не прерывая грандиозной своей стройки, освещает высоты таких завоеваний, о которых дооктябрьской Россия и помыслить не могла. И вот рассказать об этом, помочь миллионам голов освоить величие самого этого освоения строительства... Какая задача! Ведь мы уже даем вроде и «зарядки» спокойного говорю о городах в сто и больше тысяч населения, возникших за каких-нибудь два года. Слово вот она, вся эта нечеловеческая энергия, — пустяковое дело; пошел куда-то да и взлет в готовом виде. Давно уже я наблюдаю строительную Москву — ведь новый мировой город возникает у нас на глазах. За этот год-полтора я полюбил этот будущий город даже в том, что в нем есть еще незаконченного. В один прекрасный день я увидела,

как исчез Охотный ряд, этот особенно отвратный кусок старой, торгашеской, «купеческой» Москвы. Я почувствовала толчок в сердце, — захотелось написать о Москве — социалистическом городе. Москва — один из старейших русских городов и в то же время такой молодой. Москва-город — родина пролетариев всего мира. Если бы не было этой молодой, социалистической Москвы, разве мог бы коммунист Дмитрий так гордо и уверенно обороняться в фашистском суде? Да, Москва, строящая метро, Шарикополдинник, рабочие поселки, Дворец советов. Да, Москва-город, как одна из черт, особенно ярко отражает в себе дух нашей истории. Меня не смущает, что о Москве уже не мало написано, — Москву, эту исключительную силу символическую, каждый прочувствует по-своему. Много раньше задуманный роман приостановлен, и не жалую. Прошла времена, когда мы, не зная меру, бросались словом «эмпиризм», «эмпирик». Эти неумеренные закидания очень часто только приуныли вкус к действительности. Ведь от нее, прежде всего от нее обогащаются вымысел. Да и не одним только вымыслом живет искусство в нашей стране. Добавочное — перелатка-последней жилой кон-гангиста-лирика — всей живой крепости. Я нынче была дважды в Донбассе, в колхозах ПЦО. Наблюдала эти страстные стремления людей к культурной, разумной и всеобщей жизни, слыша их о «лохмах» вполне городского типа, я мечтала участвовать сама в постройке такого дома. Мне казалось, что сила,

с какой я понимаю и воображаю людей, помогла бы предугадать в этих домах многое, что делает жизнь людей счастливой. Летом я еще думаю поработать в политагителской газете, написать об одном ударнике с Шарикополдинника. Заключила пелесу. На тему строительства социализма поставлена проблема о человеческом счастье, о тесной связи «сегодня» и «завтра». В 1933 г. вышла моя новая повесть «Баян и Яблоко» (печ. в «Октябре»), она же выходит массовым тиражом в 50 000 экз., в декабре вышел одноименный «Избранные произведения». Написала небольшую (2 печ. листа) массовую книжку колхозных очерков «Торжество начинается» для малороманной, издается в Партиздате к XVII партсъезду.

В план годовой работы еще входит большая программа чтения, работы журнальной, поездок. Иметь железное здоровье, прожить бысто лет — и то бы планов хватало.

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

В одном из первых вариантов пьесы, имеющей успех у публики, тени бойцов, погибших в бою, пренебрежительно говорят о «потомках», зрителях, сидевших в партере, о наших современниках. Мне не особенно понравилось это место в пьесе. Я подумал о том, что некоторые авторы незаметно для самих себя (а иногда и умышленно) с несправедливым пренебрежением относятся к своим живым современникам. Честь и вечная память победившим за партию, за власть, за советам на крошечном клочке земли, под Беркомом, на дальневосточных рубежах нашей страны. Подвиги их будут прочной темой для поэтов и художников, но, дорогие товарищи литераторы, не пренебрегайте современниками, отдавайте должное доблести и героизму живых — на фронте промышленности и коллективизации и на фронте борьбы за идеи коммунизма — на ораторской трибуне и на скамье подсудимых.

Хорошим тоном, знаком пристойной литературной скромности считается работа писателя над «средними» людьми, над «незаметными» героями. «Мой герой — масса», — говорит автор пьесы или романа, — это очень хорошо, что герой автора средний человек, незаметный персонаж на фоне величайших событий, хорошо, что герой — масса, но бывает и так, что героем может быть истинный герой, человек огромной силы воли, большого характера, и он может по праву занять место в большом произведении. Да, он герой, его львиное мужество, его бесстрашие, его неутомимость — плоть от плоти великого класса, который идет на смерть за идею коммунизма. Он — отражение партии, олицетворение в одном человеке ее высших замыслов, ее стальной воли, ее непобедимости. Она воспитала его, и вне ее он не был бы тем, что есть, и поэтому, когда вы воздаете должное этому человеку, вы воздаете должное партии и тому классу, за который борется этот человек.

Читатель, разумеется, уже знает, о ком говорит автор.

«Я говорю резко и сурово, но моя борьба и мой жизненный опыт очень суровыми...»

И записав свою политическую и революционную жизнь, свое коммунистическое мировоззрение, свои идеи, содержание и смысл своей жизни. Поэтому каждая фраза, которую я произношу на суде, это моя кровь, каждое слово это правдивое выражение глубокой боли, возмущения против несправедливого обвинения...»

Радикальные интеллигенты с особой гордостью исполняют поведение народолюбцев перед царским судом. Действительно, народолюбцы были мужественны, непоколебимы и заслужили уважение потомков. Мартовские эсеры, захлебываясь, вспоминали ответ Брешкис-Брешковской председателю суда: «Чем вы занимаетесь?» — «Революция, господин председатель, революция!»

«Поведение Маттеоти» — пишет Фауст Альбино Вольфи, один из убийц, — было совершенно бесстыдным. Пока мы его избивали он кричал: «Убийцы! Подлецы! Дикари!». Дети мои будут гордиться своим отцом!»

Пример большого мужества — речь Маттеоти 24 августа 1924 года в итальянском парламенте, предшествующая речи, потому что спустя несколько дней Маттеоти был застрелен фашистами. Но обращаясь к прошлому, мы все же не можем найти примера поведению коммуниста Димитрова на протяжении трех месяцев гнуснейшего трагического балагана, названного «процессом подсудимых».

Мир, пять шестых мира, занимался обычными делами — парламентской болтовней, министерскими кризисами, осенними выставками, отменой сухого закона в Америке, автомобильным салоном, морским зимним убийством, — и вдруг диким и неслыханным хоромом белых, желтых и розовых газетных простынь утих, и на фоне этого оглушительного и дикого жужжания — все громче и громче звучал голос человека, посеянного фашистами на скамью подсудимых.

«Со спокойной совестью скажу, что с первого дня процесса до его последнего дня я не сказал ни одного слова неправды...»

«...Действительно, верно, что для меня как коммуниста высшим законом является программа Коммунистического интернационала...»

Черкают стило журналистов, стенографические знаки покрывают страницы записных книжек, по водам мира передаются слова человека, имя которого до этих дней не знали ни читатели «степенных», консервативных газет, ни читатели разбитых, бульварных газет. Парижка, Нью-Йорка и Лондона. Бюкморские господства с некоторым шумением просят посылить любимых газет. Им приятно, почему столько места уделяют речам этого немолодого болгарина, но, с другой стороны, они не могут пройти мимо этих строк, все-таки интересно, так

Тов. Димитров

сказать спортивно интересно, до каких пор будет сопротивляться и нападать «красный болгарин». Месяц, два, три месяца, а в конце концов, он же утомится. «Наи» умеют обращаться с пленниками.

В конце концов зурбы начинают понимать, что им по традициям прошлого, по обычаям предков следует отдать должное «личной храбрости», в клубах и в адулярах палаты лордов восторгаются личной храбростью коммуниста Димитрова. И тут же, впрочем, они укоряют международную следственную комиссию за ее выкидыш против «дружественной державы».

Между тем продолжает «дикой болгарин»:

«В газетах нападали в связи с обвинением меня в поджоге рейхстага на болгарский народ, меня называли варваром-болгаршином, темным балканским человеком, диким болгаршином. Я должен решительно протестовать против этого. Да, наш болгарский народ не находится на таком высоком материальном уровне, как некоторые другие народы, но наша политическая борьба, наши политические стремления не ниже, чем другие. Народ, который пятьсот лет жил под игом иноземным, рабочий класс и крестьянство которого веда и ведут борьбу против болгарского фашизма, за коммунизм — такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары, это — болгарские фашисты».

Затем он меняет позицию и атакует в лоб главного врага.

«...Дикари и варвары — это болгарские фашисты. Но какие фашисты не варвары?»

Растерявшийся председатель пробует поставить ему ловушку: «Не намекает ли подсудимый на политическое положение в Германии?» Если намекает, то он, председатель, со спокойным сердцем сделает знак архангелам — и они уволокут Димитрова, не дав ему сказать последнего слова. Но Димитров не отвечает на этот вопрос, он проходит мимо вопроса, и его молчание есть самый выразительный ответ, убедительный полемический выпад. На глазах у потрясенных интеллигентских журналистов продолжается этот замечательный процесс инстинктов, которыми руками, пленника, которому каждую минуту готовится заткнуть рот председатель суда.

Смотрите, как тяжело приходится судье:

Председатель. — Я не дам вам здесь заниматься критикой...
— То, что вы говорите, не было предельно на процесс...
— Вы не имете права говорить об этом.
— Вы не должны здесь зачитывать обвинительный акт...
— Вы не должны употреблять таких выражений по отношению к обвинению.
— Вы выходите за пределы обсуждения.
— Это не относится к процессу.
— Если вы перейдете к нападкам на германское правительство, я лишу вас слова.
— Обращайтесь к судьям, иначе это пропаганда.
— Вы дошли до грани, вы делаете намеки...
— Вы не можете говорить бесконечно.
— Я запрещаю вам подобные злобные выпады.
Так, начиная с первого дня до последнего, пока, наконец, последний раз, со вздохом облегчения, председатель суда произносит: «Я лишаю вас слова».

Последнее слово Димитрова — образец прекрасной защитительной речи и в то же время образец речи обвинительной. Он на минуту не сбивается, не отклоняется от основной линии, обвиняя и атакуя кровавый фашистский режим, разоблачая провокацию фашистов, подстрекая режиссера дела, но он не пропускает случая нанести боковой удар.

Вот удар прямо в лицо Заку, защитнику Торгера.

«...Я не хочу кушать ни меда, ни дядь чужой защиты...»

Я не хотел бы оскорблять моего товарища по партии Торгера, он уже оскорблен, по моему мнению, его защитником, но я предпочитаю быть невинно признанным к смерти германским судом как поджигателя рейхстага, чем пользоваться защитой такого рода, какой была защитительная речь Зака».

Оглушительная пощечина Заку, затем Димитров возвращается к основной тактике своей защиты и нападения. Он продолжает много раз прерываемый председателем и в конце концов доходит до главного: зачем был нужен процесс.

Национал-социалистам нужен был двусмысленный маневр, чтобы отвлечь население от трудностей... С удивительным упрямством и настойчивостью Димитров продолжает, пока председатель не находит, что он «сложил до грани». Тогда он обращается к Ван-дер-Люббе, трагикомической фигуре процесса, уроде из паноптикума, исползованном настоящих поджигателями. И тогда:

«Ван-дер-Люббе начинает смеяться. Вся его фигура сотрясается от беззвучного смеха. Это привлекает внимание всего зала и подсудимых».

Димитров, не упускающий ни одной возможности, чтобы довести правду, только правду, до всего мира, произносит замечательные, меняющие весь ритм его речи, слова:

«И вот сидит глупое орудие, белым духом Фауст, а Мефистофель исцел. В Гейнсгоффе была создана союз между Ван-дер-Люббе, представителем политического сумасшествия, и представителем политической провокации...» — продолжает Димитров...
Перед нами не только замечательный оратор, талантливый адвокат, защищающий свою партию и себя от гнусного обвинения, но и интуитивный инстинкт в зале суда, не интуитивный инстинкт к себе. Колочий и непримиримый, он говорит о возмещении убытков за полевое участие в процессе притворно и это сказано так, что враги сдерживают зубки и корчатся от этих едких и обжигающих, саркастических слов.

Итак, мы говорим о герое, о герое в смысле центральной фигуры в литературном произведении, о герое, как человеке редкого мужества, классового, партийного мужества.

Димитров цитировал Гете: «Страдать или победить. Быть мочотом или наковальней». «Рабочий класс Германии», — говорил он, — не понял этой мудрости ни в 1918, ни в 1923, ни в 1933 г.»

Значение этого процесса заключается еще и в том, что рабочий класс Западной Германии увидел, как страдает и побеждает коммунист, окруженный врагами, посаженный на скамью подсудимых, которая в любую минуту может стать скамьей, на которой рубят головы. Перед глазами рабочего класса всего мира стоят две фигуры (простите мне это сопоставление): Димитров и скажем, господин Вельс, лидер социал-демократов.

Как же говорил господин Вельс? Обратимся к стенограмме заседания рейхстага от 24 марта 1933 года:

«...Многочисленные государи и государины! Нынешнее положение в Германии часто описывается в резких тонах. Как всегда бывает в подобных случаях, нет также недостатка в преувеличениях... Лучшее было бы, если бы мы могли засвидетельствовать, что правозащитная группа писателей после революции 1917 года подняла только один и громко заявил:

«Вместе с пролетариатом, против реакции, против реакционной литературы».

Это был наш Линард Лайцен. Многие попутчики пролетариата повернули в сторону — Уитт, Курциус, Только Лайцен — на зов всей старой латвийской литературы — шал в месте с пролетариатом. В борьбе в активной пролетарской борьбе росла его сила, его желание всего себя, свой писательский талант и свое имя отдать рабочему классу...»

15 лет работы и жизни Линарда Лайцена уже принадлежат рабочему классу, революционному латвийскому пролетариату.

У пролетариата немного таких писателей, как Лайцен. Большинство писателей капиталистических стран, которые повернулись к пролетариату, которые стали на сто-

Линарда Лайцена нельзя считать писателем старого поколения, хотя он начал писать еще до 1905 года, развиваясь одновременно с такими латвийскими писателями, как Скальбе, Аккуратор, Яунсурабин, Аустрин, Эрс, Виктор Эглит и др. Но Лайцен можно сравнить с ними только для подчеркивания контраста. Эти «певцы» теперешней Белоруссии уже давно потеряли свой голос и одряхтели.

Лайцен, наоборот, все время растет, развивается, смело и нетерпеливо пробивая новые пути. Это его молодое стремление видеть и обрисовать все новые темы объясняется только его крепкой связью с боюющимися за революцию молодым и сильным рабочим классом, его участием в борьбе латвийского пролетариата.

К пролетарской борьбе Лайцен пришел не сразу. Он участвовал в революции 1905 года, но после ее провала он подпадал под влияние демократизма и национал-демократизма. Под их влиянием написаны рассказы об эмигранте Витольде Витории.

С самого начала, несомненно, налет символизма в творчестве Лайцена, сильная реалистическая струя, как например в сборнике рассказов «Фонарь в темноте», в которых Лайцен издает себя на латышском местечковом жаргонном, усадьбой, мещанской и их обитателями, высмеи-

В ближайшие дни французские театральные деятели посетят театры Бахтанова, Меберхольда, Камерной МХАТ I. Большой и Кетский, ознакомятся с значительными работами студентов театральной школы Музея новой западной живописи, Театральной музей и Третьяковскую галерею.

Во время пребывания французских гостей в Москве состоится ряд встреч их с представителями советского искусства.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПИСАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИАРДА ЛАЙЦЕНА

Самый юный из латвийских писателей имеет за спиной 30 лет труда... За эти тридцать лет Лайцен прошел большой путь от мелкобуржуазного-мелкокрестьянского неомарксиста до пролетарского революционера.

Лайцен появился в латвийской литературе накануне буржуазно-демократической революции 1905 года. Он начал вместе со Скальбе, Аккуратором, Аустрином — со всей той плеядой неомарксистов, которая давя уже творчески оскудела и не может дать ничего подлинного, ценного для латвийской литературы и культуры.

Когда неомарксист стал оружием реакции, когда мещанство-идеалистам нужно было решиться быть вместе с национальной демократией против пролетариата или вместе с пролетариатом против национальной реакции из этой мелкобуржуазной неомарксистической группы писателей после революции 1917 года поднялся только один и громко заявил:

«Вместе с пролетариатом, против реакции, против реакционной литературы».

ЭТО ДОКАЗЫВАЕТСЯ ПЕРЕДЕ ГОДАМ, что Лайцен в последние годы сумел дать пролетариату новые, большие литературные ценности. Ему предстоит и еще большее литературное будущее, будущее боевого революционного писателя.

Поэтому мы все сегодня с Лайценом — писателем и борцом, пропагандистом идеи социализма, с пионером новой, пролетарской латвийской культуры.

Лайцен пришел к революционному движению с «культурного конца». С самого начала писатель нетерпимо относится к лживой буржуазной культуре и ее образу жизни. Переживания революционных событий 1917 и 1919 годов его убеждали, что пролетариат, борясь за диктатуру и социализм, борется также за новую культуру, за новую лучшую жизнь без лжи и фальши.

Падение советской Латвии в 1919 году и хозяйственное разоружение латвийской буржуазии под маской национального демократизма окончательно превратили Лайцена в неистового разрушителя в литературе основ буржуазного общества и культуры. Сборник рассказов «Оправданные» — самый яркий документ обвинения буржуазии в латвийской литературе.

Правда, эта книга имеет еще большую индивидуалистический привкус, ее гнев выражается наружу в сильно экспрессионистической форме, в ней нет конкретизации поэтических образов, в которой Лайцен сводит счеты с буржуазным подпольем в его латвийско-государственной форме еще в логически абстрактных образах без связи с латвийским пролетариатом и его героической борьбой.

Чувствуя этот недостаток, Лайцен активно включается в массо-

Поэтому мы с любовью приветствуем Лайцена в праздник его 30-летнего труда.

Вынужденный отъезд Лайцена из Латвии — лучшая почва для него и в то же время это самое веское обвинение против гниющей, реакционной латвийской литературы, это обвинение против всех тех, которые в настоящее время называют себя большими латвийскими писателями.

Против латвийской реакции, национализма, интеллигентства, интеллигентства Лайцен, и поэтому ему не стало места в Латвии, его нужно было выгнать.

Латвийские писатели, латвийские интеллигенты, да ваша культура и демократия, если Лайцен должен был выбрать одно из двух: вашу тюрьму или покинуть вашу национальную республику?

Да, Латвия является тюрьмой для каждого мыслящего человека, который не хочет служить буржуазии.

Против этой тюрьмы, против мещанских латвийских националистов, против фашистов-нацистских капиталистов, борется и будет бороться Лайцен, проповедуя Союзы в Латвии, ибо только они могут поднять Латвию на новый, более высокий культурный уровень.

Мне больше чем 20 лет назад в Латвии в первый раз пришлось встретить Лайцена — романтика и индивидуалиста, несколько лет назад мне пришлось его снова встретить здесь, в СССР. Лайцен стал моложе и крепче.

В дни тридцатилетия творческой работы пожелаем нашему писателю еще больше силы для новой борьбы против гниющей Латвии и ее культуры, за советскую Латвию и пролетарскую культуру.

Лайцен пришел к революционному движению с «культурного конца». С самого начала писатель нетерпимо относится к лживой буржуазной культуре и ее образу жизни. Переживания революционных событий 1917 и 1919 годов его убеждали, что пролетариат, борясь за диктатуру и социализм, борется также за новую культуру, за новую лучшую жизнь без лжи и фальши.

Падение советской Латвии в 1919 году и хозяйственное разоружение латвийской буржуазии под маской национального демократизма окончательно превратили Лайцена в неистового разрушителя в литературе основ буржуазного общества и культуры. Сборник рассказов «Оправданные» — самый яркий документ обвинения буржуазии в латвийской литературе.

Правда, эта книга имеет еще большую индивидуалистический привкус, ее гнев выражается наружу в сильно экспрессионистической форме, в ней нет конкретизации поэтических образов, в которой Лайцен сводит счеты с буржуазным подпольем в его латвийско-государственной форме еще в логически абстрактных образах без связи с латвийским пролетариатом и его героической борьбой.

Чувствуя этот недостаток, Лайцен активно включается в массо-

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕЯТЕЛИ В МОСКВЕ

26 декабря в Москву приехала большая группа видных французских театральных деятелей.

В составе группы: Макс Морей — президент Ассоциации театральные директоров Франции, Луи Обер — председатель синдиката кинематографистов, Робер Требор — директор театров «Мадлен» и «Мишель», Б. Лейтш — директор театров Сен-Жорж и Нувотте, Морис Леман — директор театров Сен-Мартен и театра Шатле, Андре Ламбро —

специалист в области кинорежиссуры. На вокзале группы встречали представители «Интуриста» и прессы. В первый день приезда гости были приглашены во французское посольство. Вечером они посетили выездной спектакль МХАТ I «Бронепоезд во Дворце культуры Рогожско-Симановского района. Для этого спектакля «Интуристом» изданы буклеты на французском языке.

В ближайшие дни французские

театральные деятели посетят театры Бахтанова, Меберхольда, Камерной МХАТ I. Большой и Кетский, ознакомятся с значительными работами студентов театральной школы Музея новой западной живописи, Театральной музей и Третьяковскую галерею.

Во время пребывания французских гостей в Москве состоится ряд встреч их с представителями советского искусства.

После 30-летней литературной работы Лайцен не устал. Наоборот, он имеет перед собой самые широкие неисчерпаемые перспективы. Мы не сомневаемся в дальнейшем успехе Линарда Лайцена. Его успехи — это успехи социалистического искусства.

А. ЗАПРОВСКАЯ

БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР

Иван Успенский

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Было около двенадцати, когда Гагган вернулся домой с заседания бюро. Он попробовал было читать, но из-за стены ему поступали — Бобровников звал пить чай.

— Вынужден заметить, что с вами творится что-то неладное, — сказала ему Бобровников.

— Признаться, — ответил Гагган, — признаюсь, меня иногда в это время зудит. Тянет в цех. Ты помнишь те дни, когда мы по ночам ходили вдоль большого конвейера и думали, что одно наше присутствие уже помогает работать организованней?

— Именно думали, — засмеялся Бобровников. — Пей чай, Михаил. Я сегодня должен показаться. Я никак не ожидаю, что Казенов такой молодец. Это тебе не Саама-тин. В нем нет его рисовка. Одна ко сонная и ты. Ты ведь со Смитом меня дожила тогда. Неужели ты не видишь, что это дело отдаленное и нереальное?

— В 1927 году тракторные заводы казались тоже многим нереальными.

— Оставь, Михаил, тут ведь нет стенографисток, меня на уклоне не поймаешь. Но я все же повторю тебе — ты пересаживаешь. Да и потом Смит тоже не решает вопроса. У него труд отнюден, хотя во стократ, познато, производитель-

Бобровников стоял с открытым чайником, и пар сыпался его округлого розового лица. Гагган, не выдержав, засмеялся.

— А я все-таки засяду с группой ребят за чертежи Смита, — сказал он залорно.

— Как мне их жаль!

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Почему?

— Отвечать от дела. Передай это в НАТИ, в Госплан, куда угодно, но не мешай людям работать.

— А дизель?

— Это другое дело. Это насущно необходимо. А то пока фантазия.

— Но ведь эта фантазия уже осуществлена.

— Погоди, пока она станет на сущно необходимой...

— Вот в этом и спор. Я утверждаю, что в конце второй пятилетки такие заводы будут на сущно необходимыми, к тому надо готовиться.

— Вноси проект в политбюро, — пожав плечами, сказал Бобровников, и глядя в лицо Гаггану, вдруг распылился: — слушай, Майка, умей, когда надо, попременить. Ей-богу, это большое искусство. Если бы ты сам видел завод Смита, ты бы поверил мне...

— Мне кажется, — задумчиво закурив, сказал Гагган, — мне кажется, что мы оба с тобой не о том говорим. Нам нужно массовое производство еще в больших размерах, чем в Америке. Мы должны

обслужить сто семейств миллионы так, как не обслуживали их никогда ни в одной стране.

— Истинно, достойные красоваться на всех пашах города. Однако ты несправим. Ты не можешь понять заколов спокойного, устоявшегося, слаженного производства. Надо хоть год заводу устояться. Понимаешь, устояться. В нем все еще заболтанно, муть не осела кизюку. Не осели еще и люди. Вот такой летен, как ты, например, улетит скоро в Москву.

— Нет, я не уеду, — твердо сказал Гагган, — я отсюда еще долго не уйду, если не снимут. Отсюда идет тепло на всю страну.

— Чая выпьешь еще? — спросил Бобровников.

— Нет, — сказал, подымаясь, Гагган, — я пойду в цех...

Не так давно, когда у него был спор с бывшими коммунарками, один из них искренно сознался: — Во время монтажа, когда нас ночью будили и посылали спужавшие станки с платформ, во время пролива, сверхурочных и суботников, как я ни устал, я себя чувствовал спокойней, и я вижу по ребятам, как им начинает издеваться однотоновая работа, а раньше они это ведь да замечали. Есть такие ребята, им дай хоть восьмой разряд, они тебе не останутся на одной операции больше года. Они идут учиться, переходят на другие станки, выдвигаются в наладчики. И все мы, когда соберемся, вспоминаем дни

монтажа и пуска. А как доберемся до ста сорока четырех, так и вовсе тоска будет.

— Почему тоска? — спросил Гагган. — Разве не будет перехода на дизель, перекрестия мощности, роста продукции?

— Это все будет уже не то.

— Как не то? Что тебе нехватает? Суетливости, тревоги, романтики? — Он только тут уловил именно эту нотку неделового, непроизводительного подхода к работе во всей их беседе.

Романтики, именно романтики, жаждали эти ребята, и они не могли ее разгадать в размерном ходе конвейера и станков, их привлекла и манила приключенческая, непроизводительная сторона дела. Это напомнило ему годы среди молодежи в первые годы нзпа после трагической войны.

«Сейчас вот, дорогой к цеху, вспоминаю этот разговор, он пролетает себя, чего он добивается, чего он хочет. Неужели в нем есть нотки той «романтики», романтики строительства, как самонадея, ради самого процесса строительства? А разве может быть иначе? Разве может человек, пока он не чувствует, перестать строить, улучшать, совершенствовать, двигаться вперед? И разве, догнав технику капиталистов, мы собираемся на этом застыть? И разве, создав социализм в одной шестой, мы выключаем борьбу за остальные пять шестых?»

Возле цеха валялись бочки из-под керосина и все так же тархатели высекающие тракторы. Гагган обогнул большой конвейер, обогнул весь цех. Всюду уже была устойчивость, конвейер работал бесперебойно, ни одной детали не было в дефиците. Гагган давно не был ночью в цехе, и его удивил порядок: обыкновенно в ночных сменах работа всегда шла хуже.

Огни горели ярко, и всеглашнгул цеха окутал Гаггана со всех сторон, ровный и ослепительный. Цех был здоров, — так того же он, Гагган, не спит, чего он бродит по цеху

ночью, когда завтра с утра — комиссия по дизелю, а в двенадцать — собрание по теплотру? Чего он бродит по цеху, как тень Гамлета? Или он затосковал по нервному, возбужденным ночам мая-июня?

«Все-таки я дурак, — говорил себе, — лег бы спать и завтра не жаховался бы днем на головную боль. Так нет же — понесло...»

Он ругал себя, высмеивал и все-таки не уходил. Стоял у линии в первом пролете с Казеновым, он даже не удивился, а улыбаясь, встряхнул его:

— Ты герой, Алексей, ты действительно молодец, хорошо поработал это дело... Так где ты будешь ставить опытный?

— В инструкторском, — ответил сияющий Казенов, — я уже стоял у линии Гаггана с собой за рукав, — Миша, я все высматриваю, где станки переставлять, — крикнул он Гаггану в самое ухо, так как «инженер» пошел в ход и шум заглушил голоса.

Гагган посмотрел искоса — Казенов так счастливо-застенчиво улыбаясь, что Гагган ничего не ответил ему, а просто не было еще окончательной конструкции дизеля, не был еще проработан технологический процесс, и Казенов не мог ставить, какие станки придется переставлять, какие операции менять. Но видно было, что загнала этот инструкторский на большое задание конвейера. Большой конвейер двигался спокойно и непрерывно на пятой скорости. Он Волга своей кака река плыла, как Волга свои спокойные воды. Вдоль конвейера стояла цепь рабочих, они собирали трактор на ходу.

Гагган думал о том времени, когда в пролетах и на сборке будут стоять мощные комбинаты машин и цехов автоматический механизм от установки рамы на конвейер вплоть до заводки мотора. Навер-

но, на мостиках, как на заводе Смита, будут распределительные шпиги, контактные и пусковые аппараты — мащера, наладчики, инженеры, ремонтные бригады, установщики.

— Постой, Леша, погоди, — попросил он Казенова, и они молча вместе наблюдали работу конвейера.

Большой конвейер спокойно нес тракторы, как Волга плыла, и ручейками из пролетов — каждая к своему месту — стекались детали. Большой конвейер страны уверено нес новые города, заводы, индустрию, как нес этот конвейер тракторы, как Волга несла свои воды...

«Не классово вы мыслите, — трунция над собой, подумал Гагган: — и пример этот механистичен, и Волга тут не при чем».

— Леша, — обратился он к Казенову, — пойдем, Леша.

Они покидали цех. Большой конвейер нес тракторы легко и свободно; на седьмой, предпоследней, скорости тракторы шли по его течению, как баржи по Волге в половецкие; пятый месяц конвейер не оголялся — он донгалился без отелей, без перекаток, притоки детали шли к нему со всех концов завода. Гагган оглянулся на Волгу. Жизнь страны, такая же полноводная, вбирающая в себя полноводные воды и воды всех притоков жизни страны, отдающей ее для создания новых устоев жизни, шла утирогой, уверенной походкой расширяющегося юности. И хоть сентиментально, роман-романозно звучало такое сравнение, оно было именно таково в представлении Гаггана. Встающее утро, оно уходило вперед, утро Октября и радостной зари, утро Октября и радостной зари, утро Октября и радостной зари. В рамках разреженном воздухе слышно было особенно отчетливо тяжелое громающее двенадцатитонное и унылый свист паровоза.

Светало. Голубовато-серый расцвет окутывал плечи домов, и рыжие шапки кустарника пятнами

выделялись на снегу. В поселке было тихо. Издали доносились отрывистые гудки паровоза. Прибыли рабочие из поля. От вагонов горлопыто потянулись ручейки людей; все шло в одном направлении — к заводу. Потом все затихло. Гагган был у подъезда своего дома, и удаляющиеся шаги Казенова отдавались еще в его ушах. Потом затихли и шаги. Светало все больше и больше; здание главной конторы совсем вышло из предутреннего тумана, и первый тонкий дил ударил в слуховое окно института. На стройке поднимался рука подметного крана, и свизка досок ослепляла на стропила. Гагган взглянул за ручку двери. Так проходила ночь, он зря пошел в цех, и завтра днем у него, вероятно, будет голова. «Нет, не зря пошел в цех! — вздрг с силой вскрикнул в нем, — нет не зря...»

Надлеи доносились тяжелое грохотание двенадцатитонного обривистые свистки паровоза.

Начинался день, как и всегда, полный забот и усталости, начинался день такой же, как и все предыдущие. Надо было сделать десятки неотложных дел — проверить диспансер, вывезти из ЭРК, поблизать бы поручений.

Так жили тогда в стране те, кто жил жизнью пятилетки. Так жил и Гагган.

Дверь захлопнулась за его спиной.

Он вспоминал, что сегодня открывался всеосозная партконференция и ему нужно провести собрание в цеху.

Где-то далеко работавшие по выставке в Георгиевском зале заканчивали под утро свою работу. Сквозь верхние стекла пролился слабый свет, побеждаемый электичностью. Среди диарамы машин были и их диарамы. Волжского тракторного завода и модели их машины. Это был итог работы за год.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ДОНБАССУ — СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Пленум донецкого обкома писателей

16 декабря в Сталино состоялся первый пленум Донецкого обкома писателей.

Пленум избрал президиум в составе тт. Сергеева, Байдаченко, Торина, Чебакина и Прокоповича.

Председателем обкома союза советских писателей избран т. Сергеев, его заместителем т. Байдаченко, ответственным секретарем обкома утвержден т. Торин и оргсекретарем т. Чебакин.

Пленум утвердил обращение к советским писателям Урала с вызовом на соревнование. Донецкие писатели взяли на себя ряд конкретных обязательств по разветвлению массово-литературного движения, углублению литкружков, созданию авторских коллективов по «Истории фабрик и заводов» и т. д. Для проверки выполнения соглашения с уральскими пленум утвердил жюри: редакцию всесоюзной «Литературной газеты», украинской «Лит. газеты», «Социалистического Донбасса» и «Уральского рабочего».

Пленум постановил создать специальную бригаду для составления

М. Касаткин ПОСЛЕ УЧЕБНОГО БЕСЕДЫ С ЛИТКРУЖКОВЦАМИ

Съезд писателей Донбасса наглядно показал, что местная индустрия уже имеет кадры своих писателей, своих певцов, здоровую молодежь, которая стремится овладеть техникой письма, художественной формой. Уже имеются среди них такие писатели, которые совсем неплохо, а иногда и талантливо умеют и в очерке, и в рассказе, и в стихе показывать производство и стремление рабочих масс к победам, к борьбе с трудностями.

Бросается в глаза одна нежелательная черта (характерная для молодежи и для начального творческого пути) — это замкнутость, исключительность в местных темах и вопросах, причем и трактовка их чаще всего не связывается с общими задачами всей страны. У многих, более слабых, особенно в стихах, преобладает голый лозунговость. У многих, наиболее молодых, излишне много этнографической «жизненности», сводящей весь кругоборот жизни к какому-то сплоскому празднику без запятой и трудностей. Многим и многим нужен большой жизненный опыт и учеба, учеба!

В течение месячной работы в Донбассе т. Касаткин провел ряд творческих бесед с писателями и литкружковцами, написал ряд очерков о Донбассе. Материал поездки ляжет в основу ряда произведений писателя о Донбассе.

Ю. Олеша НАША МОЛОДОСТЬ ЗАВОЮЕТ ИСКУССТВО

Первый всесоюзный съезд писателей убедил меня в том, что вскоре будет создана хорошая литература о Донбассе. Я подокажусь рядом способных молодых писателей. Они очень молоды. Любят и знают литературу. Жадны к освоению литературной техники. Вне всякого сомнения, из них получатся очень хорошие писатели. С удовлетворением думаю о том, какая замечательная молодежь, замечательная во всех отношениях, растет в нашей стране. Она завоеует все. И в том числе искусство.

Я. Шведов НАПИШУ ПОВЕСТЬ

Поездка в Донбасс вызвала ряд новых интересных тем. Редактор горьковской газеты т. Колесниченко во время беседы с бригадой писателей рассказал нам, как газета в рабочем быту ставила проблему переоснащения цехов на конкретные факты жизни шахтеров. Меня эта тема завлекла. Вострой 1934 года после окончания работы над повестью я выехал в Донбасс, где пробыл два месяца. В итоге напишу повесть о Донбассе на тему о переоснащении цехов в цеховка нашей эпохи, покажу в книжке рост нового человека Донбасса в работе и быту на фоне истории одной горняцкой семьи.

СОЗДАТЬ «ИСТОРИЮ ФАБРИК И ЗАВОДОВ» ДОНБАССА

В Донбассе до последнего времени очень слабо велась работа по созданию «Истории фабрик и заводов Донбасса» (в первую очередь в Сталино, Горловке и Макеевке). Вина за этот провал падает на всеукраинскую редакцию ИФЗ а также и на прежний состав Оргкомитета Со-

Люди растут

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ЛЮДИ СТЗ»

При переиздании этой книги у нас возникла мысль проверить и, если удастся, в короткий срок сделать ее издание, дополнения в жизненные биографии людей Сталинградского тракторного. Эту благодарную и крайне интересную задачу нам еще не удалось полностью выполнить, но и то, что мы собрали и дополнили, показывает восходящую кривую в движении завода и людей, и нем работающих.

Замечательно следующее: ни один из людей Сталинградского тракторного за это погода не застыл в своем росте. Секретарь паркома Кузьма Егорович Трубушников стал директором. Лева Макарыч стал директором в МТС помощником начальником политотдела по комсомолу. Луи Гросс который проектировал инструментальный завод, осуществил свою мечту: Наладил Холпутовна хотела «знать жизнь металла», и она добивается своего, работая в заводской лаборатории и участв в институте. В далеких прибалтийских степях Василий Иванович Иванов руководит строительством величайшего в мире комбината цветных металлов.

Большие перемены произошли в цехах завода. В них появились цехи, появились запасы деталей, главное — закрепились кадры квалифицированных людей, осваивающих передовую технику массового поточного производства. По словам Сталинградцев: «Люди нашли свой мост» — от штурма завод в основном перешел к равномерной работе с задлом. Новый стиль работы на заводе — это планомерность, отсутствие рычков, это согласованность работы всего заводского организма, гармоничность работы всех его звеньев.

И Ролло Уорд коротко и ясно описывает знакомую рабочему механо-сборочного цеха в Сталинграде:

«Дорогой Пит!

Твое письмо получил. Очень рад услышать про тебя. Я желаю быть обратно в Сталинграде. Здесь ужасное положение. Я не работаю. Завод «Глисон» почти не работает. т. е. закрыт. Миллионы людей голодают на улицах. Политики обещают лучшие времена, но ты знаешь, что это старая сказка.

Пит, передай привет мастеру Мартину и другим моим товарищам. Скажи Мартину, что я в один прекрасный день явлюсь и буду у него просить работу. Я думаю, что я лодырничал здесь, в Америке, в то время как в Советской России так много работы.

С почтением Ролло Уорд».

В истории 1933 года СТЗ войдет 40 000 тракторов, войдет с 7 100 тракторов, которые он дал в рекордные сроки к весенней посевной кампании по призыву тт. Сталина и Молотова.

Люди на заводе не стоят на месте. Инженер Шейнман рассказывает о тех проблемах, которые волнуют передовую коллективу. Все творческие возможности. Все это происходит потому, что где-то в мире нет таких возможностей для роста и движения людей, как у нас в стране.

В биографиях людей, уехавших за границу к себе на родину, наблюдается застой, попятное движение, как и во всем мире, охватившем кризисом. Ролло Уорд, веселый добродушный американский наладчик, застался у себя на родине и растерянно спрашивает себя: «Что же произошло со мной, который был силен и здоровым, а вернувшись, нашел хилым и больным? Где были возможности? Их не было».

Никто не остановился в своем развитии, и сам завод шагнул далеко вперед, решая глубокие задачи освоения. Он борется за снижение себестоимости трактора с 7 000 р. до 2 900 р., за жесткие стандарты нормативы, за высокие качества работы. Те проблемы, которые обсуждают инженеры и работники завода, выходят далеко за пределы СТЗ.

«Пришло время, когда каждому человеку придется решать, для чего он живет и кого он будет поддерживать. Будет ли он марionеткой в руках нескольких или будет стоять на собственных ногах с массой решений, которое уже было предпринято в СССР письмом, которое, видимо, было написано им после долгого раздумья:

«Я пришел к окончательному решению, которое уже было предпринято в СССР, а именно: я буду работать в Союзе».

Таковы краткие, но яркие и крайне поучительные итоги в жизни людей одного завода нашей страны и людей, уехавших по ту сторону одной шестой земного шара. Мы смело и ясно смотрим в свое будущее. Будущее капитализма охвачено предгрозовыми тучами.

В октябре 1933 г. на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию комсомола, Л. М. Канонич в яркой и образной речи говорил о настоящих и богатых будущих возможностях нашей молодежи, которая живет и работает бок о бок с рабочим классом, с коммунистической партией. Он сказал в частности и об этой книге, о «Людах Сталинградского тракторного», того тракторного —

«где комсомольцы, сейчас уже овладевшие полной проектной мощностью завода, научившиеся обращаться со станками, без стыда рассказывают о первых порах своей работы, когда они не умели работать на новом оборудовании, варварски обращались со станками. Один из очерков этой книги так откровенно и называется: «Да, мы дома!»

Опыт Сталинградского тракторного не прошел бесследно для наших предприятий. Мы уже видим на примерах следующих тракторных заводов: Харьковского, Челябинского, что они быстрее прошли и проходят период освоения.

Сила Сталинградского тракторного состоит теперь в том, что молодые рабочие, костяк завода, могут сейчас с полным правом сказать: «Да, мы уже не дома! Мы научились на них работать».

Б. Г.

ВСЕОДОНЕЦКИЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТКРУЖКОВЦЕВ

В г. Сталино состоялся Всесоюзный съезд писателей и литкружковцев (20—23 ноября). На нем присутствовало свыше ста делегатов. Большой актив писателей — бригада Всесоюзного оргкомитета (Касаткин, Олеша, К. Левин, Обрадович, Сельяновский, Мажнев, Смеляков, Домогатовский, Шевцов), бригада Оргкомитета (т. Кирилленко, Шулжа, А. Любченко, Косынка, Добровольский, Горин и др.) и донецкие писатели (т.т. Бесогоцкий, Черкаский, Залоченко, Чорный, Алексеев, Рудь, Надина, Прокопович, Байдаченко и др.) — принимал непосредственное участие по всей работе съезда. Кроме того на съезде присутствовали зав. сектором литературы и искусств ЦК КП(б)У т. Ганс, главный редактор «Истории фабрик и заводов Украины» т. Голова и бригада Профиздата ВЛКСМ (т.т. Грудская, Шеня и др.).

Съезд открылся большим вступительным словом зав. культуры Донецкого обкома КП(б)У т. Сергеева. Съезд заслушал доклады т. А. Сельяновского «О советской литературе и писателях Донбасса» и т. Землячки «О массовом литературном движении в Донбассе».

Впервые на писательском съезде был проведен интересный опыт учебно-семинарской работы с делегатами съезда. Два заседания были посвящены этому семинару, организованному Профиздатом ВЛКСМ. Съезд разбился на группы, в которых московские и украинские писатели разбирали произведения литкружковцев, делились своими творческими опытом. По единодушному отзывам делегатов, такая форма работы съезда принесла им особую пользу.

Всесоюзный съезд писателей и литкружковцев избрал новый состав Донецкого обкома союза советских писателей в составе тт. Забродского (культпроп Обкома КП(б)У), Беспощадного (Горловка), Ю. Черкаского, Чернякова, Голдина (Луганск), Алексеева (Марьинполь), Фролова (Макеевка), Рудь, Прокоповича (Сталино), Чебакина, Байдаченко, Торина, Кирилленко, Жигу и Сельяновского.

Я. Смеляков ДАМ КНИГУ СТИХОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ ДОНБАССА

Я сейчас пишу книжку стихов о людях Донбасса (Фурер — секретарь паркома Горловки, Маруся Ловчик, Рябошапка и др.). Это будет книга портретов новых людей Донбасса. Стихи будут напечатаны в «Красной новинке», «Огоньке», «Коммунистической правде». Всю книгу стихов о Донбассе закончу в конце января. Предполагаю издать ее в ГИХЛ.

„Достигаев и др.“ в ленинградском Большом драматическом театре

В сравнении с постановкой «Егор Булычьев» новая работа Большого драматического театра знаменует значительный успех. Театр придался к голосу критики, учел свои ошибки и постарался их исправить. В «Достигаеве» нет уже грубых промахов, нет резких срывов, которые вредили «Булычьеву». Образы стали богаче и глубже. Неосомненной заслугой режиссера (В. В. Луце, он же и автор оформления спектакля, скучного, но стильного) является углубленная проработка социально-политической экспозиции спектакля, наметка основных контуров и образов персонажей пьесы, разветвляющейся в свое действие между Феральской и Октябрьской революциями. Уверенность с которой проведена работа над обрисовкой около 35 персонажей пьесы, свидетельствует о значительном мировоззренческом росте театра. Здесь гораздо больше уверенности и твердости в социальных характеристиках, чем, например, это было показано во «Врагах» на сцене Б. Александровского театра (реж. Б. М. Сушкевич), где образы рабочих даны были блеклыми, а в отношении буржуазных персонажей было допущено весьма либеральное и синхронизированное отношение при раскрытии подлинного лица русского либерализма в канун революции 1906 года.

В «Достигаеве» акценты социального порядка распределены в общем верно, характеристики идут по правильной намечке, что следует считать большим достижением. Следует прежде всего указать на образ большого дикаря Рябинина, поданный артистом Софроновым с блестящими размахом.

Ясным, жизнерадостным, бодрым, безгранично уверенным в победе рисует артист Рябинина, заставляя в то же время почувствовать его руководящую роль, когда он оспаривает половинчатого Тягина и квалифицирует изменчивость свои позиции прежнего «благословенного как жулика». Встреча с Достигаевым наглядно показывает, как можно в конкретном деятеле дать ощущение эпохи и класса. Рябинин в исполнении Софронова — высокое достижение советского театра, которое по праву может вписываться в свой актив Большой драматический театр. Реально даны также и другие образы большевиков (Лаптев, Калмыкова).

Выделяется Губин в трактовке Лаврентьева. Облик разнузданной купца-самодура дан с громадной силой. Выход Губина в зал купеческого собрания запоминается. Этот «ухарь-купец» с ружьем на плечах, в сопровождении охотничьей собаки, нагоняющий страх на попа Павлаша, сцепляющийся в драке с чернотеносцем Нестрашным, дирижирующий музыкантами при пляске матчиша, озвончающий и проявляющий свою храбрость в издевательствах над слобожанским пономарем, подан в живописном реалистическом гротеске. Правда, при подобной трактовке Губин мог бы показаться как-нибудь «окаменевшим» в своем «котлом города». Вероятно, и тут озвончил и буйствовал, судя по характеристике Лаврентьева, причем буйствовал дико и жестоко. Но все же у Губина есть способность к организованному и совместным действиям, свидетельствуя тому

его связь с Нестрашным в подготовке вооруженного нападения на совет рабочих депутатов. Однако эти черты уступают свое место «эпическому» красочно выявленному Лаврентьевым.

К большим удачам спектакля следует отнести также обрисовку Таисии, предложенной молодой артисткой А. Я. Ефимовой. Артистка удается добиться сильного впечатления, так что зритель дорисовывает, следуя ее намекам и указаниям, целную картину забытой и той послушницы, ее жадно вырваться из плена в настоящей жизни, ее зарождающуюся жадность к знаниям.

Хорошо ведет небольшую роль попка Иосифа, у которого Губин перестрелял гусей, артист Трепав.

Неудача постигает театр, однако, на самом центральном месте, именно на образе Достигаева (артист Скоробогатов). Набросок роли в «Булычьеве» не развернулся на новом и более обширном материале второй части трилогии. Брешется в глаза внешность и упорность характеристики. Приобщенность Достигаева передается полархической походкой, потиранием рук, выжидающим повторением, навязчивым подлаживанием бороды. Такая схематичность приемов душит образ, лишает его красок. Остается, конечно, впечатление лисы, шумящей и выножающей, но нет действительности, нет жестокости, не складывается облик врага тихого, Бессердечности и голый расчет в момент, когда он спекулирует на смерти дочери, не открыты. Артист

не решит спектакля, ступенька в решетчатых и поворотных его прыжках. Нехватает многогранности и разносторонности характеристики, чтобы привлечь внимание зрителя к Достигаеву, актуальности которого, как образа действительного и на сегодняшний день, очевидна в замысле Горького, но не чувствуется в сценической интерпретации. Не выдерживает идейной нагрузки, данной Горьким, и исполнитель роли Нестрашного. Не выходит из роли Боролатого солдата, порученная народному артисту Н. Ф. Монахову. Последний подает реплики в спокойной-элегантном тоне, очень просто, но эта простота не становится средством обобщения, которое здесь, при раскрытии образа, олицетворяющего революцию и завершающего пьесу победой Октябрь, должно было бы звучать полно и мощно — как итог всей драматической коллизии пьесы. Здесь мы подходим уже к особенностям режиссерского построения спектакля.

Режиссер свел работу постановщика к работе с актером. Он строил «актерский» спектакль, отводящий от интерпретации, от внешних форм, от дополнительной разработки замыслов пьесы средствами театра. Крайне скупо использована музыка (матчиша в первом акте, Скрябин в исполнении сына Нестрашного в третьем). Введено еще чтение над попойкой после самобуйства Антоиним. В основном мало. Мало потому, что остается нераскрытым главный действующий фактор пьесы — надвигающаяся Октябрьская революция. Она дана

у Горького за сценой, но она толкает и движет пьесу. Ее-то и можно и должно было дать почувствовать зрителю средствами «режиссерского» спектакля, несколько не умаляя значения актера, но находя добавочные выразительные средства для выражения общих связей, при этом речь идет, конечно, не о механическом привнесении в спектакль плакатов или демонстраций «за окном», как это отчасти было сделано в «Булычьеве».

В первом акте по замыслу режиссера большую роль должны были играть «шумы, идущие из зала за сценой». В спектакле они никакой драматической роли не играют. Зато явственно доходят до зрителя звуки матчиша из комнаты, откуда заваливается пьяный Губин с музыкантами. В итоге режиссура добивается яркого исполнения четырех-пяти ролей, но упускает из рук возможности массовых сцен, выразительных группировок, которые усилили бы динамику спектакля.

Соглашаясь с театром в его основных характеристиках индивидуальных образов спектакля, приходиться решительно отстаивать необходимость усиленной борьбы за качество исполнения, за гармоническое соединение всех средств театральной выразительности, за полную ответственность режиссера, которую он должен разделять с актерами, а не перекладывать на него, сужая свою роль идиного и художественного руководителя спектакля.

А. ГВОЗДЕВ

Р. РОШ О БОРЬБЕ ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА И О ПУРИЗМЕ

ЗАМЕТКИ К «ЗАМЕТКАМ РЕДАКТОРА» М. ПРЕЗЕНТА*

В некоторых случаях полезно начинать аб ovo... «Грамматика есть искусство говорить» — провозгласили основоположники новейшей грамматики — отшельники Пор-Рояля, и, следуя этому в течение века звучащему аксиомой положению, утверждал автор «Русской Грамматики»: «Тупа Оратория, космоязычная Поезия, неосновательная Философия, несправедливая История, сомнительная Юриспруденция без Грамматики».

Выступая в горделивом сознании своих правоимых, грамматика предписывала языку свои «правила», заглаживала запрет на все иные другие обороты, регулировала состав слов, выгоняла из него ребячество и геральдику в своих начинаниях: «О словах, кои до обыденной жизни касательство имеют, — сетовал ревнитель чистоты языка тевтоноского Готтшед, — невозможно всю Герману к единому языку привести».

Историческое языкознание, блестящий продукт молодой прогрессивной еще буржуазной науки, языкознание Боппа, Гримма и Дица вскрыло осознанию причину этих неудач нормативной грамматики — искажающее действительность статическое неисторическое понимание языка и его закономерности. Но уяснив факт движения и деятельности его как живую деятельность (легенда), предостановивший раз и навсегда (дегот), буржуазное языкознание в своем дальнейшем развитии фетишизировало эти положения, провозгласив стихийность исторического процесса в языке. И если Я. Гримм еще не стеснялся ставить перед создаваемым им «Немецким Словарем» задачи практического языкового строительства, если он не считал ниже своего достоинства бороться с извращениями своих современников-пуристов, то уже следующее поколение устали М. Мюллера утверждало: «Переделывать

закон языка или изобретать новые слова по нашему произволу было бы то же самое, что задумать переменить законы, по которым совершается наше кровообращение».

Исторические языковеды и лингвисты в вопросе о борьбе за чистоту русского литературного языка. Ибо теория стихийности языкового процесса, возведенная в догму буржуазными языковедами и подхваченная социал-фашистами, теория, политический смысл которой так ярко разоблачил Сталин в своей пемлексе с Каутским (политотчет ЦК XVI съезду партии), всегда оставалась чуждой основоположникам марксистско-ленинизма. «Само собою разумеется, что в свое время индийцы целиком возмют под свой контроль и этот продукт рода», писал о языке Маркс и Энгельс, а Ленин считал необходимым и возможным объявить войну коверканью русского языка.

Эти высказывания намечают четкий путь для советского языкознания в деле строительства литературного языка нашего Союза, в борьбе с выступающими здесь иногда грубыми извращениями.

В борьбе этой советским работникам — теоретикам и практикам языковой работы — недостаточно, однако, преодолеть унаследованный от дореволюционного языкознания «бесстрастный объективизм» регистративных прикормочных, но непереносимых явлений, скинуть наугад позу летописца стихийности «спори» языка. Надо, активно включаясь в борьбу с «коверканьем русского языка», правильно определить ее задачи и методы, надо суметь избежать неисторического падающего фетишизирования от дореволюционного языкознания «бесстрастный объективизм» регистративных прикормочных, но непереносимых явлений, скинуть наугад позу летописца стихийности «спори» языка. Надо, активно включаясь в борьбу с «коверканьем русского языка», правильно определить ее задачи и методы, надо суметь избежать неисторического падающего фетишизирования от дореволюционного языкознания «бесстрастный объективизм» регистративных прикормочных, но непереносимых явлений, скинуть наугад позу летописца стихийности «спори» языка.

русского языка... Столь же грозный вето налагает автор на «совестные», «проработать», «со стороны», «связка», «соревноваться» и ряд других...

Просто и ясно. Как нет восторга старика Крассоперова? «Да и по-русски-то стали писать, боже упаси, как... Все говорили и писали: «стак-то» или такие-то образуются к тому, другому или друг с другом так-то; не поправляется, давай менять: «стак-то» относится-де так-то». Лучше ли это, я вас спрашиваю?»

Действительно, слова «отношение», «относиться» взяты из канцелярского языка. В «Длинные» пуристов — словарь в ДДУ — так и читаем: «Принимать. Отношение — деловой служебная бумага к лицу равного, не подчиненному и не начальнику».

Что же, изгнать и эти слова из языка, как «канцелярские шаблоны», товарищ редактор?

Дело в другом: в характере и способе употребления новых слов. У нас все еще развито употребление слов без знания их предметного значения, слованосительности. И с этим «заупотреблением» слов не всегда находят нужным бороться, иногда же чудак, включивший марксистскую научную терминологию, во фразеологический словарь русского литературного речи! И в многочисленных приведенных в «Заметках редактора» действительно удручающих своей безграмотностью примерах плох не самый факт расширения значения тех или других слов, плох тот контекст, в который слова эти включены — иной раз ради своеобразной языковой мишени.

То, что было сказано о словарях и фразеологических наблюдениях в «Заметках редактора», еще в большей мере можно сказать о грамматических наблюдениях. Здесь

грамматическое «правило», и притом правило, часто слишком узко сформулированное, возводит автор в непреложный закон языка.

Отстаивая в стороне прямые ошибки, как приписывание глагольным формам на «ся» исключительного возвратного значения (отсюда — торжественное наложение запрета на полное закономерное в русском языке «соревноваться» — ср. «сговориться», «сражаться»). Оставим явные недоразумения, как случай (отсылаясь на слова Ленина, автор не обратил внимания, что Ленин протестует против замены одного отглагольного существительного «материальное» другим, т. е. что обобщается не грамматическая форма слов, а их значение). Оставим, наконец, случаи, где автор, беззастенчиво прав (неверно обобщение «развертывать» и «разворачивать»). Самым показательным является то, что, налагая запрет на те или иные синтаксические конструкции, автор не замечает возникающих отсюда недоразумений; так, например, нелепые обороты, приводимые в разделе «Порядок слов» (типично: «улицы будут чистить машины...»), легко устроятся употреблением страдательных форм, тоже объявленной под запретом нашими ревнителями чистоты языка. Но здесь не место для подробного анализа этих случаев, — место такому анализу на страницах, увы, несуществующего советского языковедного журнала...

Основные ошибки современной «художественной, газетной и официальной» литературной речи, утверждает автор «Заметок редактора» — это «заупотребление отглагольными существительными, иноязычными словами... типичными канцелярскими выражениями; универсализм, т. е. замена одним словом ряда слов, вошедших в так называемый литературный язык (примечание: коренные слова применяются все реже и реже, и нельзя сказать, что это — на пользу языку); неправильное употребление предлогов; неправильный порядок слов, мешающий восприятию смысла, который хотел выразить автор (т. е. как в тексте книги, где основное внимание уделено борьбе с «универсализмом» и с «канцелярскими шаблонами»); попытка на соответствующих отрывках выявить методы, рекомендуемые автором для очистки русского языка.

Методы эти очень просты: установить наличие в современном русском языке более расширенного применения слов и оборотов, употреблявшихся ранее преимущественно в деловой речи, автор немедленно налагает на них строжайший запрет. Ср., например:

Стр. 23—27... «Стремление упростить, схематизировать, предельно сократить все в виде соподчиненных, кружков, треугольников, квадратов и пр. вызвало к жизни совершенно новое выражение по линии».

«Принципально из канцелярских, из административного аппарата, где схема с начерченными линиями соподчинения иррадирует свою роль. К пожелательным явлениям в языке это выражение отнести нельзя».

Или стр. 97 и 98... «Мероприятие — истиннейшее канцелярское выражение. Вместе с канцелярским языком, канцелярским извращением, оно должно быть изгнано из

влетворить, и те принципы, по которым оно удовлетворяет им не всегда достаточно».

Исторические языковеды и лингвисты в вопросе о борьбе за чистоту русского литературного языка. Ибо теория стихийности языкового процесса, возведенная в догму буржуазными языковедами и подхваченная социал-фашистами, теория, политический смысл которой так ярко разоблачил Сталин в своей пемлексе с Каутским (политотчет ЦК XVI съезду партии), всегда оставалась чуждой основоположникам марксистско-ленинизма. «Само собою разумеется, что в свое время индийцы целиком возмют под свой контроль и этот продукт рода», писал о языке Маркс и Энгельс, а Ленин считал необходимым и возможным объявить войну коверканью русского языка.

Эти высказывания намечают четкий путь для советского языкознания в деле строительства литературного языка нашего Союза, в борьбе с выступающими здесь иногда грубыми извращениями.

В борьбе этой советским работникам — теоретикам и практикам языковой работы — недостаточно, однако, преодолеть унаследованный от дореволюционного языкознания «бесстрастный объективизм» регистративных прикормочных, но непереносимых явлений, скинуть наугад позу летописца стихийности «спори» языка. Надо, активно включаясь в борьбу с «коверканьем русского языка», правильно определить ее задачи и методы, надо суметь избежать неисторического падающего фетишизирования от дореволюционного языкознания «бесстрастный объективизм» регистративных прикормочных, но непереносимых явлений, скинуть наугад позу летописца стихийности «спори» языка.

русского языка... Столь же грозный вето налагает автор на «совестные», «проработать», «со стороны», «связка», «соревноваться» и ряд других...

Просто и ясно. Как нет восторга старика Крассоперова? «Да и по-русски-то стали писать, боже упаси, как... Все говорили и писали: «стак-то» или такие-то образуются к тому, другому или друг с другом так-то; не поправляется, давай менять: «стак-то» относится-де так-то». Лучше ли это, я вас спрашиваю?»

Действительно, слова «отношение», «относиться» взяты из канцелярского языка. В «Длинные» пуристов — словарь в ДДУ — так и читаем: «Принимать. Отношение — деловой служебная бумага к лицу равного, не подчиненному и не начальнику».

Что же, изгнать и эти слова из языка, как «канцелярские шаблоны», товарищ редактор?

Дело в другом: в характере и способе употребления новых слов. У нас все еще развито употребление слов без знания их предметного значения, слованосительности. И с этим «заупотреблением» слов не всегда находят нужным бороться, иногда же чудак, включивший марксистскую научную терминологию, во фразеологический словарь русского литературного речи! И в многочисленных приведенных в «Заметках редактора» действительно удручающих своей безграмотностью примерах плох не самый факт расширения значения тех или других слов, плох тот контекст, в который слова эти включены — иной раз ради своеобразной языковой мишени.

То, что было сказано о словарях и фразеологических наблюдениях в «Заметках редактора», еще в большей мере можно сказать о грамматических наблюдениях. Здесь

грамматическое «правило», и притом правило, часто слишком узко сформулированное, возводит автор в непреложный закон языка.

Отстаивая в стороне прямые ошибки, как приписывание глагольным формам на «ся» исключительного возвратного значения (отсюда — торжественное наложение запрета на полное закономерное в русском языке «соревноваться» — ср. «сговориться», «сражаться»). Оставим явные недоразумения, как случай (отсылаясь на слова Ленина, автор не обратил внимания, что Ленин протестует против замены одного отглагольного существительного «материальное» другим, т. е. что обобщается не грамматическая форма слов, а их значение). Оставим, наконец, случаи, где автор, беззастенчиво прав (неверно обобщение «развертывать» и «разворачивать»). Самым показательным является то, что, налагая запрет на те или иные синтаксические конструкции, автор не замечает возникающих отсюда недоразумений; так, например, нелепые обороты, приводимые в разделе «Порядок слов» (типично: «улицы будут чистить машины...»), легко устроятся употреблением страдательных форм, тоже объявленной под запретом нашими ревнителями чистоты языка. Но здесь не место для подробного анализа этих случаев, — место такому анализу на страницах, увы, несуществующего советского языковедного журнала...

Кроме прикормочного значения слова Даль приводит только значение «математическое».

И. Сталин. Политотчет ЦК XVI съезду ВКП(б), цит. по «Вопросам лингвистики», 1930, стр. 672.

О. Осанкинов, «Литературная речь», 1933 г.

«Современные мысли касательно улучшения немецкого языка» 1896.

Кроме прикормочного значения слова Даль приводит только значение «математическое».

И. Сталин. Политотчет ЦК XVI съезду ВКП(б), цит. по «Вопросам лингвистики», 1930, стр. 672.

О. Осанкинов, «Литературная речь», 1933 г.

«Современные мысли касательно улучшения немецкого языка» 1896.

Кроме прикормочного значения слова Даль приводит только значение «математическое».

И. Сталин. Политотчет ЦК XVI съезду ВКП(б), цит. по «Вопросам лингвистики», 1930, стр. 672.

О. Осанкинов, «Литературная речь», 1933 г.

«Современные мысли касательно улучшения немецкого языка» 1896.

ПОХОД ЗА КУЛЬТУРНУЮ БИБЛИОТЕКУ

Н. К. КРУПСКАЯ НА СЛЕТЕ БИБЛИОТЕКАРЕЙ,
ЧИТАТЕЛЬСКОГО АКТИВА И ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Еще месяц назад из пятнадцатитысячного коллектива «Шарикоподшипника» только 1800 рабочих имели абонентные карточки заводской библиотеки.

Сейчас библиотека насчитывает уже 4000 постоянных читателей. Число их растет с каждым днем. Чем объясняется такая тяга к книге в последние дни?

— Седьмидесятилетняя исключительная забота о культуре нашей страны, — дает ответ Надежда Константиновна Крупская, — к селу готовятся и библиотеки. Продвижение книги к читателю — одно из важнейших предвоенных обязательств библиотечных работников.

Начался широкий поход за культурную библиотеку. Старт ему был дан 25 декабря на общесоюзном слете библиотечных работников, читательского актива и писателей совместно с секцией культуры Московского совета.

— За последние месяцы, — напомним слету в своем докладе Н. К. Крупская, — партия и правительство уделяют большое внимание библиотечному делу. Дело же это еще очень хромает. Библиотек мало. Нехватает книг. Квали-

фикация библиотекарей не всегда на высоте.

...Надежда Константиновна рассказывает, что ей часто приходится слышать разговоры о том, что масса еще малограмотна. Едва, дескать, мы и научились читать, а у рабочих и колхозников грамоте, — это еще не значит, что они стали читателями.

— А вы говорили бы с колхозниками, — указывает Н. К., — приезжала ко мне на днях делегация колхозниц из ЦЧО. Послушавши, как они говорят, без всякого «деревенского» привкуса, свободно обращайтесь с научными терминами и вошедшими в нашу речь иностранными словами.

— Повседневное участие в социалистическом строительстве — замечательная школа, — школа, которая готовит также хороших читателей. Об этом забывают очень многие, в первую очередь библиотекари и писатели, которые пишут о деревне.

— В библиотеке, где есть интересные книги, малограмотный человек становится грамотным. Нужно только не быть «могильщиком книг», — обращается Н. К. к библиотечникам, — нужно только механически выдавать книги, не опекать читателя, что у нас часто практикуется, но научить его умно пользоваться книгой, умению находить ту книгу, которая нужна, и брать из нее то, что надо.

На слете много говорилось о совместной работе писателя и библиотекаря.

Писатель еще недостаточно часто встречается со своим читателем и совсем не знает библиотекаря, который и продвигает его книгу в массы.

Тепло встретили А. С. Новиков-Прибой рассказ о той огромной роли, которую играла библиотека в его жизни. Он вспомнил о библиотеке Проконья в Крестово, снабжавшей его когда-то негалагальной литературой. Писатель сейчас часто заходит в библиотеку и справляется об отзывах рабочего-читателя о его книгах.

Слет библиотечных работников Москвы вызвал библиотекарей и писателей Ленинграда, Горького и Харькова на социалистическое соревнование на лучшее проведение похода за культурную библиотеку.

— Г-ЗД.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Спокойна розовая кета,
Дрожит зернистая икра.
Программу званного банкета
Вкушают мастера пера.

И вот под ляг ножей и вилок
(Судак по-польски, нузает)
Над чахлым крувром бутылок
Опять встает писатель Зет.

Стучит в бокал. (Внимание!)
Тиме!
Но не стихает гам и звон.)
Он кратко говорит, как пишет:
Товарищи! Я — потрясен!
Я — умилился! Я — раскван!
Я — новым воздухом дышу!
Еще короче: я — взволнован!
Я — восхищен! Я — напишу!

Всем конек — речам и кете,
Но Зет бесмертье снискал.
Он снова на другом банете,
Полакусив, стучит в бокал.
И вновь под ляг ножей и вилок,
Тарелку слуг, стаканов звон,
Салфетку сдвинул на затылок.
Он говорит: я — потрясен!
Я — умилился! Я — раскван!
Я — свежим воздухом дышу!
Я — сотрапуюсь! Я — раскван!
Я — восхищен! Я — напишу!

Его лицо здоровьем пышет.
(Судак по-польски, нузает!)
Так изрекает (но не пишет!)
Эпохой потрясенный Зет.
К нему не отнесем строго.
Пожаду, не его вина,
Что для речей — банкетов
много.

А для банкетов — речь одна.

Творческий вечер детских писателей Сахаровой, Тарховской и Ивсенен состоится 2 января в Оргкомитете ССП.

Карнавал книги состоится 30 декабря в детгородке Парка культуры и отдыха. В карнавале примут участие ряд писателей и театр детской книги.

В Бобринках на празднике пуская Химкомбината присутствуют делегация Оргкомитета ССП и МТП в составе тт. А. Исаба, А. Демилова, А. Платонова, Н. Деметьева и Н. Незлобина.

В плен МТП включено несколько книг о бывшем Бобринковском, ныне Сталинском строительстве.

Конкурс на лучшее произведение рабочих-авторов объявляет Профиздат к XVII съезду партии. Основная тема: «Вторая пятилетка». В ближайшее время будут объявлены сроки конкурса.

Вечер творчества Я. Ильина будет проведен 2 января 1934 г. группом писателей при издательстве «Молодая гвардия» в 18-й типографии.

Обсуждение «Брусков» ГИХД, ИКП литературы и редакция журнала «Октябрь» организовали обсуждение третьего тома «Брусков» Ф. Панферова.

Вечер прошел очень оживленно. Вводное слово сделал Кирпотин Выступили тт. Фролов, Ильенко, Серафимович и др.

Окончание обсуждения перенесено на 29 декабря в ИКП литературы. Отчет будет помещен в следующем номере «Литгазеты».

Книга о Белморосте будет выпущена к съезду.

Рабочие типографии им. Ворожского получили письмо от Максима Горького с призывом возможно скорее и лучше выпустить книгу о Белморосте Балтийском канале.

На митингах, проведенных по всем цехам, рабочие типографии дали обязательство выпустить историю ББВ по дню открытия XVII съезда партии.

Для контроля организована из лучших ударников сквозная бригада, которая следит за качеством набора и печати.

Свое обязательство рабочие типографии выполняют. Набор книги был сделан в пять дней. Сейчас заканчивается верстка.

Открыт прием подписки на 1934 год на орган МОРП «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

на немецком, английском и французском языках выходит 6 раз в год, на китайском языке 4 раза в год. Подписная плата на любом языке: на год — 9 рублей, на полгода — 4 р. 50 к.

Заказы и деньги направлять по адресу: Москва, центр, ул. 25 Октября, д. 7. Торговать Издательского товарищества иностранных рабочих в СССР.

Книжки принимаются также всеми почтовыми отделениями.

ПЛАНЕТАМ НИЧТО НЕ МЕШАЕТ ЛЕТАТЬ

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выставка научно-популярной художественной литературы 1930, 1922, 1923 и последующие 1921, 1923 гг. Вы смотрите и удивляетесь. Неужели в самом деле выпуск научно-популярной литературы выражается резко испадившей кривой?

Неужели эта кривая «затухает» как жадно тянется к науке, к технике, когда страна живет под знаком таких научных и технических достижений, как пробег стратостата, Карамский полет, завоевание Арктики, подвиги Эриона?

Однако это так. Именно последние годы «ознаменовались» почти полным отсутствием научно-популярной художественной литературы. Недалек М. Горький неоднократно настаивал в последние годы на том, что эта литература должна быть создана. И созванная МК ВЛКСМ и «Молодой гвардии» конференция по научно-популярной литературе устроила выставку наглядно продемонстрировала необходимость и своевременность обсуждения основных вопросов, связанных с созданием популярной научно-художественной книги.

У нас есть несколько прекрасных книг, например, «Рассказ о великом плане» Ильина, «Кара-Бугаз» Паустовского, отдельные очерки. Но они случайны. Подавляющее большинство книг невысокого качества. Можно ли считать, что книги, подобные упоминавшимся на конференции, отвечают требованиям научной популяризации? Об этом трудно судить по таким двум-трем примерам. Автор Опочников пишет, что жадные капиталисты старались завладеть колониями, потому что они очень любят кофе и стремятся его достать. Или Чижов в книге «Тайные чудеса вселенной» (ГИЗ, 1928-29) утверждает, что финские обитатели Африки, потому что «скачущий» фараон Нехсо пожелал узнать, насколько велико его царство, что Америка была открыта благодаря «величю души» Колумба.

Между тем значение подлинной научной популяризации огромно. Она рассчитана и на людей, у которых нет университетов, и на тех, которые хотят следить за последними достижениями науки, ознакомиться с ними в легкой, увлекательной форме. Научно-популярная книга должна также заражать эмоционально, вызывать желание заняться наукой систематически. У нас она, естественно, должна отличаться от популяризации в буржуазных странах. Там наука облачается в тайну. Мы должны показать науку как мастерскую, в которой нет тайн, в которой может работать не только «необыкновенный гений», но и «обыкновенный человек». Наша популяризация должна показать, что, как говорил Маркс, ни одно открытие не обязано своим возникновением одному человеку, что всякое откры-

тие есть уезд предыдущего научно-исторического развития. Мы должны, наконец, неравномерно связать тематику популярных книг с теми огромными событиями, которыми живет наша страна.

Отсюда ясно, какими высокими качествами должен обладать писатель-популяризатор. Он должен сочетать научные знания, обобщающее диалектико-материалистическое мировоззрение с литературными мастерством. Но могут ли эти качества соединиться в одном лице? Разумеется, нет. Поэтому необходима совместная работа писателей и ученых.

Таковы главные принципиальные вопросы, которые обсуждала конференция. Ее отдельные секции занимались разработкой проблем, связанных с фантастической, исторической и естественно-научной книгой.

Ответственный редактор А. А. БОЛТНИКОВ

ИЗВЕЩЕНИЕ

29 декабря в Политехническом музее состоялся вечер поэта И. Уткина. В программе поэма «Милое детство» и новые стихи.

ИЗВЕЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

С 15 ЯНВАРЯ будет выходить ЧЕРЕЗ ДЕНЬ (СЯТНАДЦАТЬ НОМЕРОВ В МЕСЯЦ)

Условия подписки и высылки газет подписавшимся будут объявлены в следующем номере.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1934 г.

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ

— общесоюзно-политический художественный журнал театра, драматургии и критики. Подписная цена: 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 36 руб., 3 мес. — 18 руб.

СОЮЗТЕОКЕНО

— орган Российской Ассоциации Революционной Кинематографии. Подписная цена: 12 мес. — 18 руб., 6 мес. — 9 руб., 3 мес. — 4 руб. 50 коп., 1 мес. — 1 руб. 50 коп.

ЛИТЕРАТУРНОЕ И СЛЕДСТ

— ставит своей задачей марксистско-ленинскую разработку истории русской общественной мысли и истории литературы. Подписная цена: 12 мес. — 42 руб., 6 мес. — 21 руб. Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Журнально-газетное и повсеместно почтой и отделениями Союзгиза. ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ

ЗА 1933 ГОД ЖУРНАЛА

АРХИТЕКТУРА СССР

с № 1 по № 6

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЗА 25 РУБЛЕЙ НАЛОЖНЫМ ПЛАТЕЖОМ ИЛИ ПРИСЛАВ СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДОМ

Заказы и деньги направлять по адресу: МОСКВА, 6, Страстной бульвар, 11. Журнально-газетное. Массово-тиражный сектор

Там же принимается подписка на 1934 год

Подписная цена: 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 36 руб., 3 мес. — 18 руб. Подписка принимается также почтой и отделениями Союзгиза. Журнально-газетное объединение

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Москва)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Классики

Бальзака, О. Собрание сочинений. Под общ. ред. А. В. Дунчаковского и Е. Ф. Корня. Т. I. Человеческая комедия. Сценарий частной жизни. — Переводы статьи и примеч. К. Г. Локоя. Стр. 317, п. в пер. 4 р. 25 к., тир. 10.000.

ГЕРЦЕН, А. И. Его виноват? Стр. 287, п. в пер. 1 р. 25 коп., тир. 50.000.

ГОГОЛЬ, Н. В. Мертвые души. Стр. 430, п. в пер. 2 р., тир. 75.000.

ЛЕРМОНТОВ, М. Ю. Герой нашего времени. Стр. 175, п. в пер. 90 к., тир. 75.000.

ПУШКИН, А. С. Евгений Онегин. Стр. 215, п. в пер. 1 р., тир. 75.000.

ПУШКИН, А. С. Дубровский. Стр. 88, п. в пер. 40 к., тир. 75.000.

Серия „Книги социалистической деревни“

а) Массовая библиотека

ГОРЬКИЙ, М. В людях. Стр. 320, п. в пер. 1 р. 30 к., тир. 75.000.

ГОРЬКИЙ, М. Горькое Окуров. Илл. худ. В. А. Миллашевского. Стр. 120, п. в пер. 70 к., тир. 75.000.

ГОРЬКИЙ, М. Мать и др. Стр. 350, п. в пер. 1 р. 85 к., тир. 75.000.

б) Библиотека начинающего читателя

ГОРЬКИЙ, М. На дне. Враги. Илл. худ. Л. А. Шмарина. Стр. 152, п. в пер. 1 р. 10 к., тир. 75.000.

ГОРЬКИЙ, М. Русские сказки. Илл. худ. В. С. Храповицкого. Стр. 62, п. в пер. 2 р., тир. 100.000.

ГОРЬКИЙ, М. Фома Гордеев. Стр. 288, п. в пер. 1 р. 10 к., тир. 75.000.

в) Детская библиотека

ПУШКИН, А. С. Станционный смотритель. Стр. 16, п. 6 к., тир. 100.000.

КОЛОКОЛОВ, Н. В. Мертвые души. Стр. 430, п. 1 р. 25 к., тир. 100.000.

ЛИНКО, П. Повесть о слепце. Стр. 32, п. 12 к., тир. 100.000.

НОНИН, П. РИПОН, А. С. Порченый. Стр. 64, п. 20 к., тир. 150.000.

ТОЛСТАЯ, Л. Н. После бала. Стр. 16, п. 6 к., тир. 100.000.

ТУРГЕНЕВ, И. С. Вуржумер. Стр. 20, п. 6 к., тир. 100.000.

ТУРГЕНЕВ, И. С. Бирюк. Стр. 28, п. 10 к., тир. 100.000.

ЧЕХОВ, А. П. Спать хочется. Илл. худ. Стр. 12, п. 6 к., тир. 100.000.

г) Детская библиотека «ГИЗ»

ШОЛОХОВ, М. Поднятая целина. Роман, кн. I, стр. 364, п. в пер. 1 р. 30 к., тир. 150.000.

ГОГОЛЬ, Н. В. Мертвые души. Стр. 430, п. 1 р. 25 к., тир. 100.000.

ЛЕРМОНТОВ, М. Ю. Избранные стихотворения и поэмы. Илл. худ. Стр. 152, п. 6 к., тир. 75.000.

ПУШКИН, А. С. Избранные лирические стихотворения, поэмы и повести в стихах. Стр. 512, п. 1 р. 50 к., тир. 150.000.

д) Песни для деревенского самодеятельного театра

ПЕРСОНОВ, И. Собственность. Стр. 93, п. 90 к., тир. 30.000.

Современная иностранная литература

АВТОБИОГРАФИЯ бабушки Джонс. Пер. с англ. Стр. 166, п. в пер. 3 р., тир. 5.000.

АНДЕРСОН, И. По ту сторону желания. Роман, авторизованный перевод. Стр. 320, п. 4 р. 50 к., тир. 5.000.

БЕХЕР, И. Под властью Гитлера. Пер. с нем. Б. Боделандера. Стр. 64, п. 1 р. 25 к., тир. 10.000.

КЕЛЛЕРМАН, Б. Город Анатоль. Роман, пер. с нем. В. Вершининой. Стр. 388, п. 3 р., тир. 5.000.

Современная русская литература

ИЛЛЕНКО, В. Тоска горит. Роман, кн. I, пер. С. Вернера, рис. Д. П. Зуева. Стр. 404, п. в пер. 4 р. 25 к., тир. 10.000.

СЕРАФИМОВИЧ, А. Железный поток. Трагедия на дереве. А. И. Шингеля. Стр. 251, п. в пер. 3 р., тир. 15.000.

БЕЛЫЙ, Л. Полное собр. сочин., т. XIX. Ред. и илл. А. Еремкина. Стр. 248, п. 3 р. 50 к., тир. 10.000.

БЕЛЫЙ, А. Начало века. Стр. 508, п. 5 р., тир. 5.000.

КАРАВАЕВА, А. Избранные произведения. Стр. 434, п. в пер. 5 р., тир. 7.000.

КОЛДУНОВ, С. А. П. С. Повесть. Стр. 120, п. в пер. 2 р., тир. 7.000.

Творчество народов СССР

ГОДИНЕР, С. Человек с виноклой. Пер. с еврейск. Д. Гликман и М. Шамбада. Стр. 232, т. в пер. 3 р., тир. 5.000.

ВОЛЬФ, Ф. Трагедия Христанна Гелда. Авториз. пер. Д. Уманского. Стр. 104, п. 1 р. 50 к., тир. 3.000.

КАТАЕВ, В. Вранья, итерер. Стр. 85, п. 80 к., тир. 3.000.

ПАВЛОВИЧЕНКО, П. в СТАВРАКОВ, В. Габарг. Стр. 125, п. 1 р. 20 к., тир. 3.000.

РОММ, М. Чепион мира. Стр. 104, п. 1 р. 60 к., тир. 2.000.

Книжки продаются во всех книжных магазинах МОГИЗ

В ОРГКОМИТЕТЕ

Первые итоги работы писательских бригад — Что вы знаете о культурном росте Армении? — Оргкомитет Азербайджана... в коридоре фойе кино. — Новые переводы книг писателей братских республик

Четыре месяца назад А. М. Горький на расширенном заседании всеармянского Оргкомитета поставил вопрос о широком и серьезном изучении литературы братских республик.

Десятки писателей разехались в братские республики, области и края РСФСР.

На последнем заседании президиума Оргкомитета (25 декабря) отчитывались в своей работе писательские бригады: Белорусская (т. Огнев и Бройде), Азербайджанская (т. Зуев и М. Юрин), Армянская (В. Кирпотин) и Горьковская (А. Исаба).

Писатели приехали в столицы братских республик не в качестве гостей. Мы видели писателей в действительных беседах у секретаря ЦК партии Белоруссии тт. Гикало и Жербовского, у секретаря компартии Грузии тт. Курдулави, у секретаря компартии Азербайджана т. Гусейна Рахманова, у председателя БССР т. Голодеда.

Выступления руководящих работников дали писателям самое живое представление о современном хозяйственном и культурном состоянии и росте братских республик. Писатели содействовали оживлению работы оргкомитетов, исправляли ошибки руководителей литературных организаций (беседы с секретарем ЦК компартии Азербайджана т. Гусейном Рахмановым). Во всех случаях руководители парторганизаций братских республик прислушались к предложениям писательских бригад и реализовали эти предложения.

В Белоруссии бригада писателей ознакомилась с работой Белорусской Академии наук, выступала на партактиве Минска на слете красноармейских летчиков. Бригада привезла с собой огромный материал о хозяйственном и культурном росте Белоруссии, готовит специальные полосы и статьи для «Правды», «Известий», «Литгазеты» и дает ряд переводов произведений белорусских писателей в журналы и газеты.

В Армении писатели были поражены громадным размахом не только хозяйственного, но и культурного роста республики. Эривань, которая до революции насчитывала 20.000 жителей, сейчас имеет 150.000 населения. Это город университет, в нем 25.000 учащихся. Приезд бригады писателей совпал с открытием выставки живописи, посвященной 13-летию советской Армении. Писатели констатировали, что картины армянских художников стоят на большой культурной высоте. В Армении — свой армянский драматический театр с интересным классическим и советским репертуаром (с мастерством играют «Егора Булычев»), своя музыка, оперный театр, где ставятся произведения, написанные армянскими композиторами.

К 10 февраля 1934 года бригады писателей должны закончить первый тур своей работы и дать анализ состояния литератур братских республик.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

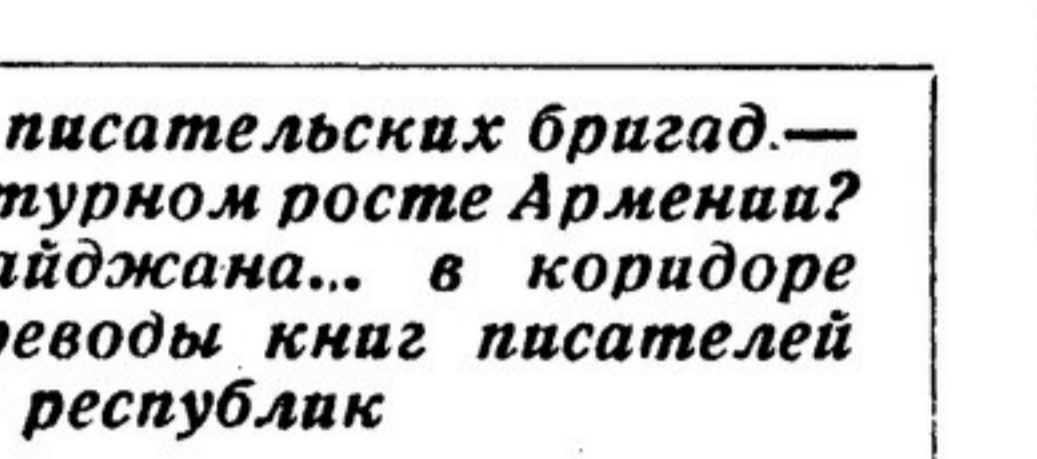
Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Оргкомитет обязал издательства включить в свои темпланы на 1934 год издание переводов произведений писателей шестнадцати республик. Все писатели-члены бригад — должны в критических статьях, очерках для «Литгазеты» и других органов печати осветить работу братских литератур. «Литгазете» поручено выпустить специальные литстраницы, посвященные литературам отдельных республик. Опыт работы бригад будет закреплен Оргкомитетом путем деловой связи и помощи братских литератур.

Рис. ЕВГАНА

Дед-ГИЗ

В ПЯТЬ СТРОК

Творческий вечер детских писателей Сахаровой, Тарховской и Ивсенен состоится 2 января в Оргкомитете ССП.

Карнавал книги состоится 30 декабря в детгородке Парка культуры и отдыха. В карнавале примут участие ряд писателей и театр детской книги.

В Бобринках на празднике пуская Химкомбината присутствуют делегация Оргкомитета ССП и МТП в составе тт. А. Исаба, А. Демилова, А. Платонова, Н. Деметьева и Н. Незлобина.

В плен МТП включено несколько книг о бывшем Бобринковском, ныне Сталинском строительстве.

Конкурс на лучшее произведение рабочих-авторов объявляет Профиздат к XVII съезду партии. Основная тема: «Вторая пятилетка». В ближайшее время будут объявлены сроки конкурса.

Вечер творчества Я. Ильина будет проведен 2 января 1934 г. группом писателей при издательстве «Молодая гвардия» в 18-й типографии.

Обсуждение «Брусков» ГИХД, ИКП литературы и редакция журнала «Октябрь» организовали обсуждение третьего тома «Брусков» Ф. Панферова.

Вечер прошел очень оживленно. Вводное слово сделал Кирпотин Выступили тт. Фролов, Ильенко, Серафимович и др.

Окончание обсуждения перенесено на 29 декабря в ИКП литературы. Отчет будет помещен в следующем номере «Литгазеты».

Книга о Белморосте будет выпущена к съезду.

Рабочие типографии им. Ворожского получили письмо от Максима Горького с призывом возможно скорее и лучше выпустить книгу о Белморосте Балтийском канале.

На митингах, проведенных по всем цехам, рабочие типографии дали обязательство выпустить историю ББВ по дню открытия XVII съезда партии.

Для контроля организована из лучших ударников сквозная бригада, которая следит за качеством набора и печати.

Свое обязательство рабочие типографии выполняют. Набор книги был сделан в пять дней. Сейчас заканчивается верстка.

Открыт прием подписки на 1934 год на орган МОРП «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

на немецком, английском и французском языках выходит 6 раз в год, на китайском языке 4 раза в год. Подписная плата на любом языке: на год — 9 рублей, на полгода — 4 р. 50 к.

Заказы и деньги направлять по адресу: Москва, центр, ул. 25 Октября, д. 7. Торговать Издательского товарищества иностранных рабочих в СССР.

Книжки принимаются также всеми почтовыми отделениями.

Упомя. Главлита В-73254

Типография газеты «За Индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30